

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

С.Ю. Барсукова

**НЕРЫНОЧНЫЕ ОБМЕНЫ МЕЖДУ
РОССИЙСКИМИ
ДОМОХОЗЯЙСТВАМИ: ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА РЕЦИПРОКНОСТИ**

Препринт WP4/2004/02

Серия WP4

Социология рынков

Москва
ГУ ВШЭ
2004

Б26 Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02 — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 52 с.

В России исторически крепки связи между родственниками, соседями, друзьями, коллегами и пр. Домохозяйства, регулярно помогающие друг другу продуктами, трудом, деньгами и советами, образуют сети, которые являются мощным ресурсом выживания россиян в нынешних условиях. В данной работе делается попытка проанализировать отношения реципрокности, складывающиеся в рамках таких сетей, выявить принципы и закономерности сетевой взаимопомощи.

В теоретической части работы обсуждается отличие экономики дара от товарного обмена и отношений, возникающих в патрон-клиентских сетях. Анализируются научные направления, в рамках которых изучается сетевая проблематика и экономика дара. В эмпирической части излагаются результаты исследования взаимобмена городских и сельских домохозяйств. Выявляется общий характер функционирования сетей, а также положение отдельных участников. Сетевой мир российской взаимопомощи предстает в количественных данных и материалах интервью.

УДК 316.334.2
ББК 60.56

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте: <http://www.hse.ru/science/preprint/>

© С.Ю. Барсукова, 2004
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2004

Введение¹

В данной работе речь пойдет о вещах, не претендующих на эпохальность. Мы не расскажем о высоких технологиях, о поступи информационной эпохи и даже о вечном гендерном противостоянии. Вместо этого мы намерены обсудить простенький сюжет о том, как живут, поддерживая друг друга, российские семьи: отдают несношенные детские вещи, делятся избыточным урожаем, выделяют время для совместного труда, прощают долги и пр. Эта ткань отношений столь привычна и обыденна, что едва ли провоцирует аналитический азарт исследователя. Сюжет про «недоеденное и недопитое» кажется исключительно незамысловатым и не имеющим значимых социальных последствий. Да и несolidно для исследователя подсчитывать килограммы и литры российских межсемейных обменов. То ли дело распутывать коллизии становления российской мафии, распознавать образы власти и трактовать российскую будущность. Семьи же, они как-нибудь сами по себе. Собственными силами.

Вот про эти силы, укорененные во взаимопомощи, в рачительном использовании ресурсов сообщества, и пойдет речь. Мы покажем, сколь значимы в нынешней российской ситуации спайка поколений, родственные связи, дружеское участие, соседский круг. Сообщество устойчиво контактирующих субъектов формирует сеть, служащую мощным социальным амортизатором в ситуации атрофии иных механизмов поддержки, разложении тотальных социальных общностей. *Взаимообмен дарами между членами социальной горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции — реципрокность* (reciprocity).

Итак, добро пожаловать в мир реальных проблем реальных людей. Их незамысловатые сетевые ходы лишают термин «выживание» как стоически-героического, так и жалостливо-сострадательного оттенка, наделяя его будничным и хлопотливым активистским содержанием.

Работа состоит из трех разделов. *Первый* раздел посвящен теории реципрокности; его задача — построить теоретический портрет реципрокных взаимодействий, провести сравнительный анализ реципрокности с товарным обменом и патрон-клиентскими отношениями. *Второй* раздел описывает научные традиции, в рамках которых разрабатывались понятия, составляющие сущность реципрокности — дар, сеть, доверие, взаимопомощь

¹ Автор искренне благодарит коллег, принявших участие в обсуждении доклада и сделавших ценные замечания и дополнения: О.Е. Кузину, Ю.В. Латова, Е.Б. Мезенцеву, В.В. Радаева, Я.М. Рошину.

и т.д. *Третий* раздел переводит аналитическую схему реципрокности на язык эмпирических данных. Сетевой обмен домохозяйств предстанет в количественных оценках и свидетельствах его непосредственных участников.

Раздел 1. СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ РЕЦИПРОКНЫХ ОБМЕНОВ

В последнее время термин «реципрокность» используется все чаще российскими социологами. Можно, конечно, встать в позу и заявить, что отечественная социология не нуждается в иностранных заимствованиях. Но солидаризироваться с такой точкой зрения не хочется, слишком велик шанс выпасть из международных коммуникаций². Так что же собой представляет реципрокность?

Реципрокность как принцип экономической организации и социальной интеграции

В современном мире, подчиненном рыночным отношениям, обмен дарами, сколь бы распространен он ни был, не является основным принципом экономической организации. Но так было не всегда. Наиболее четко и аргументированно высказал идею альтернативных принципов экономической организации К. Поланьи. При этом Поланьи опирался на исследования антропологов, которые убедительно продемонстрировали возможность (и устойчивость) обществ, в которых социальные нормы не вырастают из экономического эгоизма индивида, а сдерживают его. Эти идеи К. Поланьи развил в книге «Великая трансформация» (1944), в которой анализируется история становления рыночных отношений в западных обществах [Поланьи, 2002а]. В этой работе было показано, что доминирование рыночной логики над социальными нормами возникло сравнительно недавно. В докапиталистическую эпоху рыночные отношения были «встроены» в социальный каркас дозволенности. «Совместное действие обычая и закона, магии и религии побуждало индивида следовать тем правилам поведения, которые в

² На международной конференции по экономической социологии в 1999 г. (Москва, Интерцентр) значительная часть зарубежных докладчиков использовали термин «реципрокность», вызывая недоумение многих российских коллег. Времена меняются. И уже доступны переводные работы, использующие этот термин. В глоссарии нового и наиболее полного обзора современных работ по экономической социологии термин *reciprocity* переводится как «реципрокность, взаимность» [Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002.].

конечном счете позволяли ему занять свое место в экономической системе» [Поланьи, 2002а, с. 67]. На протяжении столетий отсутствовали механизмы, автоматически конвертирующие экономическое благополучие индивида в социальное одобрение его поведения. «Хотя сам институт рынка был довольно широко распространен, начиная с позднего каменного века, его функция в экономической жизни оставалась вполне второстепенной» [Там же, с. 55]. И лишь в XIX столетии социальные нормы стали вытесняться экономической целесообразностью, а социальный статус человека зависеть от его капитала. «Безвредный институт рынка раздался социологическим взрывом... Если раньше экономическая система была укоренена в социальных отношениях, то теперь социальные отношения оказались укоренены в экономической системе» [Поланьи, 1999а, с. 510].

Какие же принципы хозяйствования доминировали в период подчиненной роли рыночного механизма? К. Поланьи приводит три таких принципа: реципрокность, перераспределение и домашнее хозяйство. Сущностью *домашнего хозяйства* является производство для потребления — в отличие от производства ради прибыли. То есть принцип домашнего хозяйства состоит в производстве для удовлетворения потребностей замкнутой группы (семьи, поселения или феодального поместья). *Перераспределение* основано на концентрации ресурсов в едином центре с последующим распределением по неким критериям, принятым в данном сообществе. *Реципрокность*, или взаимность, предполагает передачу продуктов или вещей в дар, подчиняясь заведенному порядку, в результате чего регулируемый социальными нормами дарообмен становится основным распределительным механизмом сообщества. Поланьи подчеркивает, что эти социально-экономические принципы характерны далеко не только для простейших хозяйственных процедур или небольших общин. В качестве примера сложнейшей торговой системы, основанной на принципе взаимности, он приводит «кольцо Кула» в Западной Меланезии³. А примерами экономики, основанной на принципе перераспределения, являются Вавилонское царство Хаммурапи и Египет эпохи Нового Царства.

Три названных принципа экономической организации требуют для своей реализации определенных институциональных моделей. Действию принципа взаимности адекватна институциональная модель *симметрии*, а перераспределению — модель *центричности*. Домашнее хозяйство основано на институциональной *автаркии* хозяйствующего субъекта. «Все известные нам экономические системы, вплоть до эпохи заката феодализма в Западной Европе, строились либо на одном из перечисленных выше прин-

³ Жители островов Тробриан доставляют продукты и ценные предметы обитателям островов, расположенных от них по часовой стрелке.

ципов — взаимности, перераспределения или домашнего хозяйства, — либо на определенном их сочетании. Эти принципы институционализировались с помощью социальной организации, использовавшей, среди прочего, модели симметрии, центричности и автаркии» [Поланьи, 2002а, с. 67].

Между кем возникают отношения реципрокности? К. Поланьи утверждает, что «чем более близкими друг другу чувствуют себя члены крупного сообщества, тем более они будут склонны переводить на реципрокную основу конкретные отношения... Родство, соседство, тотем являются наиболее постоянными и полными группами, внутри которых добровольные и полудобровольные объединения ...создают условия для формирования симметричных групп, члены которых связаны теми или иными взаимными узами» [Поланьи, 2002б, с. 70]. И было бы ошибкой думать, что реципрокность — достояние древних обществ. Выделенные Поланьи формы интеграции — реципрокность, перераспределение и обмен — не отражают стадии развития, принятые в традиционном марксизме. «Формы интеграции не отражают никакой последовательности во времени» [с. 73]. Реципрокность доминирует каждый раз, когда мотив прибыли или концентрация ресурсов в центре утрачивают актуальность. «Например, в XX столетии во время войны этот принцип был введен вновь и широко использовался под названием ленд-лиза».

Таким образом, К. Поланьи выделил реципрокность как особый принцип хозяйственной организации и социальной интеграции общества и описал соответствующую институциональную модель — наличие симметричных групп. Анализ К. Поланьи касается макроуровня. Мы же попытаемся рассмотреть реципрокность на микроуровне.

Реципрокность — обмен дарами на нерыночной основе. Но бесплатность эта весьма лукавая. Ведь в ответ ожидается встречная помощь, по крайней мере, появляется моральное право на ее ожидание. Сроки ответного дара, как правило, не оговариваются, а форма ответного хода почти всегда произвольна. «Идеальный дар в неформальных экономиках должен быть как можно более щедрым по ценности, как можно более неопределенным по времени. Он подразумевает такой же щедрый, неожиданный и неопределенный ответ. ...Этот обмен дарами порой перерастает в настоящую “гонку вооружений”, в которой обе стороны несут крест взаимного жертвоприношения ради сохранения и развития своих человеческих взаимоотношений» [Никулин, 1998б, с. 74].

Блага, курсирующие по сетям межсемейной поддержки, не приобретающую форму *товара*, а вступают в мир обмена в статусе *дара*, образуя иную реальность — так называемую экономику дара (gift-based economy). Соответственно суть обмена существенно трансформируется. Если товары предполагают *рыночный обмен*, то дары формируют сеть *реципрокности*. Противо-

поставление реципрокности рыночному обмену прочно укоренено в социологической литературе. Так, А. Шик, изучая трудовые трансферты венгерских семей, пишет: «Под реципрокным обменом трудом я понимаю такие трансакции, в ходе которых экономические субъекты обмениваются трудом на основе “нерыночного” принципа» [Sik, 1985, p. 180].

При всей «нерыночности» реципрокных взаимодействий было бы чрезмерно отрицать незримую калькуляцию сетевых трансфертов, учет отданного и полученного. Такая калькуляция, безусловно, существенно отличается от рыночной, поскольку учитывает обстоятельства жизни и социально-демографические характеристики обменивающихся. Но сам факт взаиморасчетов, пусть и использующих «нерыночные» поправочные коэффициенты, говорит о том, что реципрокность, являясь своеобразной анти-тезой рынка, не переходит в разряд альтруизма. Реципрокный обмен мотивирован комбинацией двух противоположных принципов: альтруизма и рынка, поскольку, с одной стороны, не предполагает выгоду, а с другой стороны, пытается соблюсти некоторый баланс интересов. «Реципрокность фиксируется в том случае, когда можно утверждать, что ни принцип максимизации прибыли, ни альтруизм не были исключительными стимулами» [Ibid, p. 184].

Обмен услугами или продуктами, не приобретающими форму товара, поддерживает сообщество, придавая ему устойчивость и жизнестойкость⁴. Реципрокность как тип социальной интеграции противостоит и рынку, и плану, представляя собой экономику иного целеполагания — субстантивную экономику⁵, регулируемую традициями и обычаями и направленную на *выживание сообщества* как целого. Здесь необходимо сделать важную оговорку: любой принцип экономической организации, в том числе рыночный обмен и перераспределение, способствует выживанию сообщества. Иначе эти принципы не смогли бы занять важное место в экономической истории человечества. Однако принципиальное отличие реципрокности состоит в том, что этот тип взаимодействия направлен на выживание общества с точки зрения его непосредственных участников, тогда как выживание

⁴ По мнению Ю. Эльстера, в основе реципрокных отношений лежат *нормы взаимной любезности*, которые «обязывают нас платить любезностью на любезность, оказанную нам другими. Норма может не требовать от меня подарка кузену на Рождество, но, если он начнет дарить мне подарки, придется в ответ делать то же самое» [Эльстер, 1993, с. 75]. И далее: «Социальные отношения между соседями страдают, если имущественное неравенство станет проявляться слишком очевидно... Непреднамеренным следствием денежных отношений между соседями может стать утрата атмосферы взаимопомощи, представляющей собой главное благо жизни в общине» [Там же, с. 84].

⁵ «Термин “экономический” имеет два значения. ...Первое значение, формальное, вытекает из логического характера отношения между целями и средствами их достижения... Субстанциональное значение вытекает, если коротко, из явной зависимости человека в том, что касается добычи средств к существованию, от природы и своих собратьев» [Поланьи, 1999б, с. 498—499].

сообща участников рыночного обмена или перераспределительной системы — продукт аналитических усилий объективного исследователя.

Почему же домохозяйства вступают в бесконечные дары-отдаривания? Что дает им принадлежность к сети? Основными функциями межсемейного обмена дарами являются:

- экономическая взаимопомощь, кооперация усилий и средств;
- создание системы неформального кредитования;
- установление стабильных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных;
- подтверждение социального статуса семьи;
- моральная поддержка в рамках сети, скорая психологическая помощь;
- трансляция этических ценностей, религиозных и этнических традиций.

Для лучшего понимания сущности и функций реципрокности сравним этот тип социальных отношений с товарным обменом.

Отличие реципрокности от товарного обмена

Реципрокные взаимодействия строятся на принципиально иных основаниях, нежели товарный обмен, что определяет социально-экономическое отличие дара от товара. Перечислим наиболее существенные различия.

- Реципрокный обмен происходит в форме одаривания, а не продажи, что, однако, не означает альтруистической готовности ничего не получить в ответ. И хотя сроки «отдара» не оговариваются, и взаимность достигается только в долгосрочном периоде, каждый участник реципрокных отношений понимает необходимость ответного жеста. *Принципу товарного обращения «товар-деньги-товар» противостоит идея пролонгированной возвратности и взаимности даров.*
- В отличие от товарного обмена реципрокность предполагает контакт лично знакомых субъектов. Продажа товара возможна как одноразовая сделка незнакомых партнеров, но обмен дарами предполагает стабильность контактов. Товарный обмен — воплощение абстрактности отношений, их универсальности, тогда как обмен дарами — это всегда конкретные отношения, предполагающие партикуляризм их реализации. *Обезличенной одноразовой сделке «купил-продал» противостоит стабильность отношений «отдал-получил».*
- Субъекты дарообмена выбираются из числа родственников и друзей на основе не объяснимых с экономической точки зрения предпоче-

ний, симпатий и антипатий. Сеть строится на системе предпочтений внеэкономического характера, тогда как сущность товарного обмена заключена в универсальности отношений анонимных контрагентов. *Регуляторами реципрокных отношений выступают культурные нормы, а не обезличенные законы рынка.*

- Реципрокность, в отличие от товарного обмена, не преследует цели максимизации прибыли. Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети. Дарение носит бескорыстный, а продажа — корыстный характер. *Товарный обмен позволяет обогатиться в одиночку, тогда как дарообмен помогает выживать сообща.*
- Реципрокность накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной, вплоть до почтительного отношения к дарителю. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходить за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. При обмене же товарами всегда жестко проговариваются условия сделки, выторговывается режим благоприятствования для себя в ущерб контрагенту, что вовсе не обязательно предполагает общность культурного пространства участников сделки. *Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста.*
- Реципрокность и товарный обмен строятся на принципиально различном отношении к понятию «риск». Экономика дара нацелена на минимизацию риска путем его перераспределения между участниками сети. Страхование риска совокупными ресурсами участников сети является скрытым мотивом реципрокных взаимодействий, лозунг которых: «Безопасность — прежде всего». Товарный обмен и логично вытекающий из него принцип максимизации прибыли, наоборот, используют рискованные ситуации в качестве прорывных, позволяющих изменить диспозицию сил рыночного сообщества. В экономике дара риск означает опасность, а в товарном пространстве риск таит в себе и опасность, и соблазнительную возможность. *Дары делают жизненное пространство индивида менее рискованным, тогда как товарный обмен предполагает риск как элемент конкурентной среды.*
- Обязательства сторон сделки могут нарушаться как при реципрокных отношениях, так и при рыночном обмене. Нарушителей рыночной дисциплины называют необязательными, а игнорирующих нормы ре-

ципротности — неблагодарными. Но механизм страхования от подобных ситуаций принципиально различен. Рыночные сделки страхуются формальными санкциями или неформальными силовыми методами. Нарушение неписаных норм поведения в экономике дара карается лишением доверия, что означает исключение провинившегося из сети реципрокных взаимодействий. Стимулом участия в дарообмене становится обретение репутации как формы социального капитала. *Принуждение к исполнению обязательств реципротности строится на угрозе социальной изоляции, а при товарном обмене — на материальных и зачастую формальных санкциях.*

- Значимость дара определяется его субъективной ценностью для одариваемого. Она не зависит напрямую от рыночной стоимости предмета дара, а сводится к представлениям о полезности полученного блага. Реципрокные отношения не строятся на стоимостной эквивалентности обмена, тем самым релятивизируя рынок как ценность или, по крайней мере, отказывая ему в доминировании над такими категориями, как родство, солидарность, взаимопомощь, опека и пр. *Эквивалентный обмен товарными стоимостями замещается паритетным обменом ценностями, или представлениями о полезности даров.*
- В обмене дарами люди первичны, а дары — вторичны, поскольку дарообмен зависит от отношений обменивающихся, возникающих между ними коллизий, соотношения их статусов, социально-демографических характеристик и пр. В товарном обмене, наоборот, обмениваемое блага задают отношения обменивающихся, т.е. вещи доминируют над людьми. Рыночный обмен устанавливает отношения между объектами обмена, обмен дарами — между субъектами одаривания. *Реципрокные отношения удерживают в фокусе обменивающихся, а рыночные отношения — обмениваемое.*
- Деньги присутствуют и в реципротности, и в товарном обмене. Но реципротность, не претендующая на стоимостный эквивалент обмена, использует деньги в качестве предмета дара или заемного средства, а не расчетного инструмента. Денежные дары являются индикатором близости членов домохозяйственных сетей, поскольку деньги опосредуют обмен между системами, тогда как *внутри* систем домохозяйств деньги превращаются в дар. Фактически денежная оплата товаров и услуг фиксирует границу, за которой заканчивается мир наиболее близких отношений привязанности. *Реципротность отказывает деньгам в опосредующей роли, выполняемой при товарном обмене, и превращает их в дар, возможный и допустимый только в отношении наиболее близких людей.*

- Реципротность предполагает рутинизацию и ритуализацию дарообмена. На уровне традиций прописаны формы благодарности и диапазон допустимых просьб. Следование традициям — самый верный путь укрепления положения участника экономики дара. Товарная же экономика отводит верхние этажи своего мира для тех, кто решился на инновацию. Рыночный лидер — тот, кто выдвинулся за черту доступного всем поведения и при этом экономически преуспел. *Экономика дара нацелена на стабильность, часто ценой сокращения среднего дохода ее участников, а товарный обмен предполагает инновационный прорыв как попытку наиболее предприимчивых максимизировать прибыль.*
- В реципрокных отношениях обмен выполняет роль символа «доброй воли» и намерения упрочить отношения, т.е. служит формой поддержания социальной включенности. Товарный же обмен основан на экономической целесообразности, в нем превалирует идея продуктовой оптимизации. *Дарообмен — инструмент приращивания социального капитала, а товарообмен — экономического.*

Итак, есть все основания различать дар и товар, а реципротность отделять от товарного обмена. Впрочем, и на обыденном уровне вряд ли кто спутает эти понятия. Но реципрокные отношения имеют альтернативу не только в форме товарного обмена. Более тонкая и трудно формулируемая грань отделяет дары от дани, а реципротность от патрон-клиентских отношений. Далеко не очевидно, чем отличается подарок соседу от подарка начальнику, но интуитивно все ощущают эти различия. Зависимое положение подчиненных придает такому дару принципиально новые характеристики, позволяющие маркировать его как дань⁶. Не случайно В. Ильин вводит понятие «псевдоподарок» как промежуточную точку континуума, полюсами которого являются товар и дар [Ильин, 2001]. Тем самым подчеркивается возможность облекать в форму подарка иные социально-экономические отношения.

Отличие реципротности от патрон-клиентских отношений

Что такое патрон-клиентские отношения? Это устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии. Патрон опекает клиента за счет находящихся в его распоря-

⁶ Здесь и далее понятие «дань» используется как метафорический образ, не следующий традициям употребления этого термина в классической истории и антропологии.

жении ресурсов, собирая ответную дань в форме благодарности за опеку. «Основу для патрон-клиентских взаимоотношений составляет обмен между действующими лицами, обладающими неравной властью и статусами: патрон, ведущий и более могущественный участник этих взаимоотношений, предлагает свою защиту и обеспечивает доступ к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям) менее могущественным участникам — зависящим от него клиентам. Клиенты, в свою очередь, обеспечивают поддержку патрону и предоставляют ему разного рода ценности и услуги, которые мы будем называть “данью”» [Ковалев, 1999, с. 128].

За примерами далеко ходить не надо. Такие отношения могут возникнуть в любой формальной или неформальной организации при условии ее иерархического строения. Скажем, руководитель может мобилизовать охранно-пропускную службу и тем самым прекратить поток «несунов». Но, не пресекая, а «патронируя» эту практику, он получает лояльность работников к собственной неэффективной деятельности, их готовность работать при долговременных неплатежах заработной платы и игнорировании норм техники безопасности. Родители соревнуются в подарках учителям в надежде на повышенную опеку их чад. Получившие госзаказ директора предприятий не забывают сделать «откат», т.е. часть средств отдать тому, кто посодействовал в подписании контракта. Иначе этот заказ будет последним в истории предприятия. Рабочие в выходной день просто из любви к свежему воздуху трудятся на даче у шефа. Правда, им потом предоставляют лучшие условия труда, чем отказавшимся от таких отработок. Внешне происходит добровольный обмен ресурсами, минуя товарный обмен. Никто никому ничего не продает. Никто никого ни к чему не принуждает. Движение благ происходит исключительно на добровольной основе. И никакие формальные претензии в случае отклонения от участия в этих практиках не предусмотрены. Родители вправе отказаться от «добровольных взносов», директора могут сделать вид, что не знают про систему «откатов», рабочие имеют возможность уклониться от дачных субботников. Но ни те, ни другие не нарушат заведенного порядка. Все понимают, что эта добровольность весьма иллюзорная.

Участники взаимодействий вовлечены в своеобразную «диалектику контроля»: зависимая сторона обладает определенными ресурсами, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющихся. При этом контроль со стороны подчиненного актора осуществляется иным типом ресурсов, отличным от того, который используется для осуществления доминирования в отношении него⁷. Клиентские сети пронизывают распре-

⁷ Особое место диалектика контроля занимает в активистской социологии Э. Гидденса: «Субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия» [Giddens,

делительные механизмы широкого профиля — от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий.

Иерархия создает систему зависимости элементов на основе неравного доступа к ресурсам организации. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов. Внешне добровольный обмен иерархично организованных субъектов не порождает отношения реципрокности, а обмениваемые ресурсы не превращаются в дары. Скорее происходит мимикрия под отношения реципрокности за счет соблюдения внешних атрибутов одаривания. На деле же ресурсы курсируют в форме дани, которую «патрон» собирает со своих «клиентов», отвечая более полным учетом их интересов в ходе распределения курируемых им ресурсов. Не случайно К. Полани выделял *симметрию* как структуру, адекватную реципрокности. «Полани утверждает, что существуют три базовых способа распределения ресурсов: обмен, перераспределение и реципрокность [reciprocity]. Для широкомасштабного воспроизведения каждой из этих форм необходимы соответствующие структуры: рынок, централизм и симметрия» [Якубович, 2002, с. 213]. Симметричность сети делает принципиально возможным чередование ролей донора и реципиента в отличие от жестко закрепленных ролей патрона и клиента в несимметричных, иерархических структурах⁸. Отличия реципрокности от патрон-клиентизма сводятся, таким образом, к следующему.

- Элемент принуждения присутствует и в реципрокном обмене, и в патрон-клиентских отношениях. Но речь идет о разной природе принуждения. Реципрокность строится на подчинении людей социальным нормам, усвоенным в ходе социализации, и в этом смысле принуждение едва ли рефлексивируется. Отношения же патрона и клиента не добровольны в результате их иерархической диспозиции, отмеряющей степень зависимости субъектов и диапазон пригодных к обмену благ. Принуждение в этом случае имеет управленческо-организационную

1979, р. 149]. Так, помимо отношений господства и подчинения, в которых реализуются *властные* ресурсы участников взаимодействия, существует еще одно актуальное в современном мире измерение: *сигнификационное доминирование* и *сигнификационная зависимость*. То есть ресурсом, и довольно действенным, оказывается способность производить смыслы, интерпретации и системы интерпретативных переходов; иными словами — способы и мыслительные приемы, с помощью которых и на основании которых люди формируют собственное отношение к событиям и явлениям окружающего социального контекста.

⁸ Принципиальное отличие горизонтальных социальных связей и вертикальных социальных контактов подчеркивают многие исследователи. Нам близка позиция В. Радаева, согласно которой различие в конфигурации сетей делает их структурной основой формирования разных видов капитала. Горизонтальные сети формируют капитал социальный, тогда как административный капитал мобилизует, скорее, вертикальные связи [Радаев, 2003, с. 12].

природу и прекрасно осознается участниками сети. *Дары, порождаемые социальными нормами, противостоят дани, порождаемой организационной иерархией.*

- В реципрокных отношениях велика мера неопределенности формы даров и времени ответных действий. И даже несвоевременные и неответственные подарки принимаются с благодарностью в силу выполняемой ими символической функции. Патрон-клиентские отношения более нормированы. Форма и сроки взаимных услуг патрона и клиента если и не оговариваются, то четко осознаются. Говорят, что даренному коню в зубы не смотрят, но зубы коня, выступающего в качестве дани, проверяются очень тщательно. *Неопределенности форм и сроков реципрокных взаимодействий противостоит прогнозируемость контактов клиентских сетей.*
- Реципрокность укоренена в неформальных нормах и обязательствах, которые слабо связаны с формальными институтами. Патрон-клиентские отношения, напротив, существуют как неформальная коррекция формальных правил и испытывают от них сильную зависимость. Скажем, если виза санэпидемстанции перестанет входить в пакет обязательных документов при открытии ряда фирм, то поток дани предпринимателей представителям СЭС прекратится. Побудительный мотив дани укоренен в формальных нормах диалога патрона и клиента. *Реципрокность существует как нерегулируемая формальными институтами реальность, а патрон-клиентизм как изнаночная сторона формального порядка.*
- Реципрокный обмен демонстрирует высокую автономность от реформирования формальных институтов, поскольку укоренен в реальности другого порядка. Патрон-клиентизм, наоборот, крайне чувствителен к переопределению формальных рамок, поскольку за этим стоят изменения принципов иерархии, критериев доступа к ресурсам и объема распределительных полномочий. *Сети реципрокной поддержки более инерционны и менее зависимы от изменений формального порядка, чем патрон-клиентские отношения.*
- Реципрокные отношения глубоко персонифицированы, обмен дарами строится на лично окрашенных отношениях дружбы, родства, соседства. Напротив, отношения патрона и клиента представляют собой неформальные договоренности в рамках выполняемых индивидами функциональных ролей. *Возможность сбора дани зависит от диапазона функциональных возможностей патрона, а возможность получить дары зависит от личного расположения окружающих.*

- Реципрокность нуждается в симметричной сетевой структуре, а патрон-клиентские отношения предполагают иерархию. Симметрия связывает воедино разнокачественных, но горизонтально расположенных субъектов обмена. Это могут быть родственники, соседи, друзья, коллеги, статусные и материальные различия которых не дают оснований одним диктовать волю другим. Патрон-клиентизм держится на вертикальной упорядоченности субъектов, что определяет их неравный доступ к ресурсам как основу отношений зависимости. *Горизонтальное движение даров противостоит вертикальным каналам дани.*
- Горизонтальная сеть делает принципиально возможным ситуативный кругооборот ролей донора и реципиента. Субъекты взаимодействия поочередно оказываются донором и реципиентом друг для друга в различных ситуациях. Иерархия же жестко закрепляет роли патрона и клиента в зависимости от позиции в вертикально упорядоченной структуре. Один и тот же субъект может быть и патроном, и клиентом, но для разных уровней клиентской сети. *Чередование ролей донора и реципиента в горизонтальных сетях противостоит жесткому закреплению ролей патрона и клиента в вертикальной иерархии.*
- Реципрокность и патрон-клиентизм используют разного рода капиталы⁹. Горизонтальные социальные связи, лежащие в основе реципрокности, формируют капитал социальный в виде возможности доверять окружению и использовать его поддержку. Вертикальные связи как основа патрон-клиентизма формируют капитал административный, связанный со способностью одних хозяйственных агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других агентов. И хотя капиталы способны взаимопревращаться, различие между ними очевидно. *Реципрокные взаимодействия демонстрируют возможности обладания социальным капиталом, а патрон-клиентизм — преимущества обладания административным капиталом.*
- Отношения реципрокности не вызывают идеологического порицания, равно как и восхваления. Идеологические доктрины нейтральны к экономике дара. Клиентские сети, напротив, в разных идеологических координатах становятся либо мишенью для критики, либо объявляются панацеей, сохраняющей целостность системы за счет придания ей гибкости. *Реципрокные отношения находятся вне идеологического дискурса, а патрон-клиентские отношения внутри него.*

⁹ Используется классификация капиталов, предложенная В. Радаевым [Радаев, 2003].

Итак, экономика дара создает особую, отличную и от товарного обмена, и от патрон-клиентизма структуру отношений. Соответственно меняется и номенклатура ролей: *товарный обмен предполагает диалог покупателя и продавца, клиентелистские сети вводят в игру патрона и клиента, а реципрокные взаимодействия — суть отношений донора и реципиента*. Другими словами, благо может быть товаром, даром или данью в зависимости от того, в какую структуру отношений встроено. *Дар — атрибут реципрокности, товар — участник товарного обмена, а дань — основа отношений «патрон-клиент»*. Дарообмен лежит в сфере неформальной экономики, т.е. является

Таблица 1. Сравнение реципрокности с товарообменом и патрон-клиентизмом

Показатели	Товарообмен	Патрон-клиентизм	Реципрокность
Статус блага	Товар	Дань	Дар
Статус контрагентов	Покупатель и продавец	Патрон и клиент	Даритель и одариваемый (донор и реципиент)
Структурная основа	Деперсонифицированные контакты	Вертикальные сети	Горизонтальные сети
Цель	Максимизация прибыли	Получение дополнительных выгод от позиции в иерархии	Выживание сообщества
Базовое условие	Разделение труда в обществе	Дифференциация властных и статусных позиций	Дифференциация ресурсных возможностей домохозяйств
Способ упрочить положение участника взаимодействия	Рост конкурентоспособности	Рост возможностей распоряжаться ресурсами организации	Следование традициям
Капитал	Экономический	Административный	Социальный
Природа принуждения	Экономическая	Организационно-управленческая	Социальная
Механизм принуждения	Формальные санкции и неформальные силовые методы	Отлучение от неформальных каналов доступа к ресурсам иерархии	Лишение доверия, социальная изоляция
Основной принцип	Эквивалентность сделки	Легитимность опеки	Взаимность даров

экономической деятельностью, не подкрепленной формальными обязательствами сторон и формальными санкциями за их нарушение. Совокупность субъектов, обменивающихся дарами, формирует *сеть*, взаимодействие внутри которой регулируется нормами, ценностями, обычаями, разделяемыми участниками сети. Основное из вышесказанного можно свести к табл. 1.

В реальности ни товарного обмена, ни реципрокности, ни патрон-клиентизма в чистом виде нет. Все выделенные нами типы отношений существуют в измененном, скорректированном виде, переплетаясь и рождая многообразны гибриды. Так, рынок прочно погружен в сетевые структуры, и было бы наивно отрицать глубокую персонифицированность предпринимательских контактов. «Мутируют» и патрон-клиентские отношения, приобретая форму прямых покупок должностных лиц. И даже относительно реципрокности закрадываются сомнения в отсутствии меркантильности в обменах участников сети. По крайней мере, некая калькуляция получаемого и отдаваемого очевидно присутствует, равно как и стремление к некоему балансу, что является подобием эквивалентного рынка. И зачастую трудно провести грань, где заканчивается выживание сообщества и начинается оттягивание ресурсов сообщества во имя индивидуального процветания. Однако в аналитических целях обедненные конструкты вполне работают. Идеальные представления о рыночном обмене и патрон-клиентизме позволяют выявить специфику реципрокности как системы взаимопомощи участников горизонтальной сети.

Раздел 2. ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СЕТЕВОГО ОБМЕНА ДАРАМИ

Сетевая взаимопомощь была «открыта» довольно давно. В изучении сетевого дарообмена можно выделить три традиции. Первая — *антропологическая* — акцентирует внимание на символическом смысле даров на примере традиционных обществ. Вторая традиция, получившая название *сетевого подхода* (networks approach), подчеркивает функциональное значение сетей как структурной основы разнообразных социальных процессов. Третий подход, представленный *исторической социологией*, акцентирует внимание на исторической обусловленности сетевой взаимопомощи, ее укорененности в традициях общества и экономической культуре.

Несмотря на очевидную специфику подходов, они взаимосвязаны и только в единстве дают представление о реципрокности как особом типе социального обмена. Остановимся на этих традициях подробнее.

Антропологическая традиция изучения дара

Антропологи изучают дары как способ установления межродовых отношений. Это задает специфику трактовки дара, ограничивающую прямой перенос выводов и категорий на область межсемейных отношений. В рамках антропологического подхода обмен дарами трактуется как *символический обмен*, противостоящий обмену экономическому, при котором предмет выступает как «товарное тело»¹⁰. Социальный смысл подобного символизма заключается в его способности подтверждать или создавать социальные связи, оберегать входящих в доверительный круг и переводить в плоскость действий узы родства и дружбы. Если интерес экономики вызывает *трудо-вая практика*, то достоянием антропологического знания становится *символическая деятельность*. Акт дарения иногда считается более важным, чем сам подарок как совокупность потребительских свойств.

Не случайно начало традиционной антропологии было положено в исследованиях традиционных обществ — архаика особенно подвержена символизму. Так, знаменитый «Очерк о даре» М. Мосса написан на основе анализа квазисемейных социальных образований — племен, фратрий, кланов [Мосс, 1996]. В первобытных обществах исследователи видели многообразие форм и функций даров, отчетливую персонификацию символической власти в лице тех, кто трактовал и интерпретировал смысл символа (жрецы, шаманы и пр.). Прimitивные общества самим фактом своего существования заставляли усомниться в единственности и всеобъемлющем характере товарной природы вещей. Как отмечал К. Поланьи, великие антропологи, к числу которых он относил Б. Малиновского и Р. Турнвальда, развеяли «миф об индивидуалистической психологии первобытного человека» [Полани, 1999а, с. 508], показав, что в обществах, живущих на грани выживания, не было голода. Поддержка, подстраховка «слабого звена» силами всей сети — многократно описанная антропологами практика традиционных обществ. Классическая линия антропологии, посвященная традиционным обществам, не стала достоянием истории. Она по-прежнему развивается [Gregory, 1980; Parry, 1986]. Однако в 1990-е гг. заявила о себе новая ветвь антропологической традиции, посвященная дару как феномену современной индустриальной и постиндустриальной культуры [Carrier, 1993; Emerson, 1983].

Мир вещей не распадается на товары и дары. Их размежевание оправдано в аналитических целях, но в жизни, как показал М. Мосс, между ними

¹⁰ «В рамках антропологии обмен интерпретируется уже не как товарный обмен, а как обмен дарами, причем он выступает в качестве акта символического признания. ...Если в рамках антропологизма образцовым обменом становится символический обмен, через призму которого рассматривается весь социальный обмен в целом, то в рамках экономикоцентризма ту же роль исполняет экономический обмен» [Ашкерев, 2001, с. 75, 85]

нет четкой грани — это два полюса континуума, на котором размещены многообразные формы и механизмы перехода вещи из рук в руки¹¹. Статус вещи как товара или дара, а также их симбиозные формы всецело зависят от ситуации, обрядовой структуры, ритуальных действий, маркирующих ситуацию как «куплю-продажу» или «дарение». Вне ситуативного контекста нет ни товара, ни дара, ни дани. Подарок — это не вещь, а ситуация, вплетенная в социальные отношения, элементом которой является акт дарения. Ситуация дарения, как правило, обставлена как *ritual*. Зачем же люди одаривают друг друга? Среди важнейших *функций дара* можно выделить:

- дар как знак внимания;
- дар как скрытый текст, как закодированное послание;
- дар как способ конструирования репутации;
- дар как способ размещения плодов своего труда с отсроченной и неоговоренной формой их возврата, т.е. специфическая материальная инвестиция;
- дар как алгоритм поддержания социальных контактов и формирования на их основе сетей;
- дар как способ подтверждения социальных ролей;
- дар как акт разрыва повседневности.

Традиция сетевого анализа

Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформальной основе, формируют сеть. Изучение сетей в многообразии их функций и способов функционирования составляет суть сетевого подхода. В отличие от антропологической традиции, связь с которой безусловна, представители сетевого подхода не пытаются декодировать смысл дара. У них иная задача — интерпретировать сетевые структуры и их роль в реальных практиках, включая практики рыночного или иерархического порядка. Поскольку на этом пути возможно множество интерпретаций, то сетевой подход в современном его состоянии представлен несколькими, довольно различа-

¹¹ Такими «переходными» формами, не идентифицируемыми исключительно как дар или товар, являются, по мнению В. Ильина, взятка, подарки при открытии магазина, подношения подчиненных шефу и пр. Такими же «псевдоподарками» являются «подарки» фирм своим клиентам, целью которых является продвижение товаров посредством создания иллюзии подарочной формы, обычно обезоруживающей потребителей [Ильин, 2001]. Термин «псевдоподарок» в данном случае очень удачен, поскольку эти подношения лишь по форме являются дарами, варьируясь по сути от дани до натуральных форм авансовой или латентной оплаты коммерческой сделки.

ющимися направлениями, часть которых отчетливо движется в сторону нового институционализма в социологии¹².

Однако при всем богатстве позиций и несхожести суждений представителей этого подхода объединяет взгляд на сети как основной структурный элемент современного мира. Особенно велика роль сетей в транзитной экономике, характеризуемой высокой степенью неопределенности. По сетям курсируют ресурсы, не сводимые к материальной форме, но включающие информацию, совет, готовность поделить успехом, повышенную доверительность отношений и лояльность к участникам сети, что формирует структуру отношений, амортизирующих жесткость товарного обмена или приказного порядка. В рамках сетевого подхода подчеркивается, что *сети существуют не только и не столько как антитеза плану или рынку, а как скрытый структурный элемент в механизме как плановой, так и рыночной экономики*. Реальные проявления рынка и приказной иерархии немислимы без сетевизации рыночных и плановых структур¹³. Модифицируя вертикаль власти, такие сетевые структуры повышают гибкость системы и тем самым укрепляют иерархию, т.е. иерархические структуры используют сетевые элементы в качестве средства стабилизации. Впрочем, в кризисных ситуациях сети способны подменять собой иерархию и при определенных обстоятельствах трансформироваться в иерархическую структуру¹⁴.

Сети могут быть структурной основой принципиально различных социальных отношений. *Реципрокность не является ни единственным, ни доминирующим способом распределения благ, который воплощен в сетевой структуре*. На наш взгляд, логику реципрокности как экономики дара в полной мере воплощают лишь сети домохозяйств. Предпринимательским же сетям и административным связям разумно отказать в их заявке на реципрокность, хотя внешне рисунок поведения членов таких сетей очень напоминает обмен дарами. Так, даруются особые условия сделки, немислимы для «чужих», бесплатно даются советы, члены сети делятся информацией, а в трудную минуту и ресурсами в расчете, что им тоже когда-нибудь помогут. Но этот фасад скрывает вполне прагматичные мотивы, сводящиеся в конеч-

¹² Начало сетевому анализу было положено в работах Х. Уайта и его ученика М. Грановеттера, который показал роль сетей в функционировании рынка труда. Развитие идей сетевого подхода и работы его ярких представителей — Х. Уайта, Д. Старка и др. — см. в [Экономическая социология..., 2002].

¹³ По мнению Д. Старка, межкорпоративные сети служат «альтернативой искусственно навязываемой дихотомии “рынки — иерархии”» [Старк, 2002, с. 75].

¹⁴ Показателен период опричнины Ивана IV и создания новой элиты Петром I. Традиционная иерархия, не способная обеспечивать свое воспроизводство, заменяется сетью доверия, которая, перерождаясь в сеть власти, постепенно преобразуется в новую иерархию [Сергеев, Сергеев, 2003].

ном счете к максимизации прибыли в системе рынка или минимизации ресурсного дефицита в системе плана.

При этом роль сетей в этом процессе трактуется двояко. С позиций институционализма (О. Уильямсон) значение сетей сводится к уменьшению транзакционных издержек, поскольку в силу формируемого в рамках сетей доверия можно отказаться от формальных и неформальных страховок поведения партнера. С позиций же новой французской социологии (Л. Тевено) гибкость любой организации укоренена в компромиссе нескольких «порядков обоснования ценности», включая «домашний способ координации». Доверие деловых партнеров — суть процесса, когда приверженная традициям и локальности домашняя логика накладывается на рыночную логику, представленную единообразием цен, и индустриальную логику, предполагающую определенную степень стандартизации¹⁵.

Таким образом, *между понятиями «сеть» и «реципрокность» нет жесткого соответствия. Реципрокность далеко не единственный тип отношений, реализуемых в сетевой структуре. Но почти всегда реципрокность — доминирующий тип отношений, если речь идет о сетях домохозяйств, формирующихся на основе родственных и дружеских связей*.

Попытку формализовать прежде расплывчатые разговоры о сетях, перевести их в русло научной традиции с устоявшейся терминологией и понятийным аппаратом предпринял М. Грановеттер [Granovetter, 1973]. В частности, он изучая поведение на рынке труда, придал образному выражению «слабые и сильные» сетевые связи вполне конкретное значение. Слабые связи — вовсе не те, что редко задействуются, или дают малую отдачу. Слабые связи являются «мостами» между тесно связанными кластерами социальной структуры, т.е. обеспечивают взаимодействия с теми, кто не имеет связи между собой, т.е. разделяем «структурными дырами» в терминологии Р. Бурта [Burt, 1995]. В этом случае возникает максимально широкое информационное поле. Сильные же связи — или «избыточные» в терминологии Р. Бурта — предполагают не изолированность, а, наоборот, взаимосвязь контрагентов. В силу этого информационные возможности суживаются, но растет возможность лоббирования силами сети. Современный сетевой анализ, включая исследование домохозяйственных сетей, активно использует математический аппарат, в частности теорию графов [Градосельская, 1999].

Распространено мнение, что сетевой подход «вырос» из социометрии Я. Морено [Морено, 2001]. Вклад Морено безусловен, однако необходимо подчеркнуть принципиальное отличие социометрии от сетевого анализа:

¹⁵ «Мы не считаем, что организации или институты жестко соответствуют тому или иному порядку оценивания — например, что гражданские ценности соответствуют государству, духовные ценности — церкви, а ценности домашнего очага — семье. Все организации должны преодолевать нестыковки между различными порядками обоснования ценности» [Тевено, 2002, с. 28].

«маргинал в терминологии теории социальных сетей — это индивид, не взаимодействующий с другими членами группы, в то время как маргинал в социометрии — это индивид, не имеющий положительных выборов, что, однако, не исключает взаимодействия с ним» [Чураков, 2001, с. 110].

Выделим содержательные тезисы сетевого анализа:

- сети амортизируют жесткость товарного обмена и приказного порядка, являясь структурным элементом в механизме как плановой, так и рыночной экономики;
- сети являются инструментом распределения риска, их значимость увеличивается при росте макроэкономической неопределенности;
- сети — структурная основа, реципрокность — характер связи. Сети могут быть структурной основой принципиально различных социальных отношений. Реципрокность является частным случаем отношений, возможных на базе симметричной сетевой структуры;
- реципрокность — доминирующий тип отношений в сетях домохозяйств, формирующихся на основе родственных и дружеских связей.

Крестьяноведение и историческая социология: укорененность реципрокности

Ключи к разгадке масштабов, интенсивности, конкретных проявлений реципрокных отношений в России пытаются найти представители исторической социологии. Убирая мистический флер с понятия «национальная специфика», они разбирают пласты российской истории повседневности в поисках объяснения приверженности россиян экономике дара. И большая часть таких работ относится к истории крестьянства, что связано с двумя обстоятельствами. Первое — длительный исторический период «количественно крестьянство было Россией» (Шанин, 2002, с. 30), что объясняет «окрестьянивание» российской экономической ментальности¹⁶. Второе — так называемые горожане являются детьми или внуками крестьян, имеют родственников в селе, т.е. имеют непосредственный доступ для восприятия поведенческих норм и ценностей крестьянского сообщества¹⁷.

¹⁶ «Устойчивость традиционализма в российском обществе обусловлена тем простым обстоятельством, что на протяжении за малым исключением всей отечественной истории в составе населения преобладало крестьянство. Еще в 1917 году на его долю приходилось 85 проц. численности жителей России. Да и среди горожан многие были связаны с сельским хозяйством» [Ахиезер, 1999, с. 43].

¹⁷ Впрочем, с точки зрения постмодернизма для установления определенных поведенческих практик совсем не обязателен материальный субстрат: наличие родственников в деревне не яв-

Значительная часть таких работ посвящена роли общины в повседневной жизни крестьян. Крестьяне весьма высоко ценили свой союз. Не случайно в русском языке одно и то же слово «мир» означало, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину», собрание ее членов. Две основные функции общины — распределительная и управленческая — были направлены на выживание сообща за счет «круговой поруки», позволяющей слабому надеяться на помощь сильного. Но было бы ошибкой рассматривать эти «социальные приспособительные приемы» (терминология Дж. Скотта) как радикально эгалитарные [Скотт, 1999, с. 542]. Они скорее гарантируют только *право на жизнь* за счет ресурсов общины и не более. Община гарантировала спасение от индивидуального голода, но не сытость наравне со всеми¹⁸.

Власть общины родовой, а позже территориальной, означала зависимость крестьян от локального сельского мира, их тягу к автаркии, замкнутости. В таких условиях формируется специфика российского архаичного традиционализма, базирующегося на *эмоциональной* форме связи членов сообщества. «Вечевой способ общения и соответствующее мышление возникают и начинают господствовать в сообществах, где все знают друг друга в лицо, где преобладает стремление воспроизводить мир, локальное общество и самого себя в соответствии с идеалом абсолютной неизменности» [Ахиезер, 1999, с. 43]. «Знание друг друга в лицо» — обязательный атрибут сетей как основы реципрокности.

Впрочем, институт сельской общины включался только в критической ситуации, в обычном же режиме работали не общинные, а межсемейные формы кооперации усилий и ресурсов. В этом смысле атрофия общинности не могла обнулить практику совместности труда и быта. И даже революционные события не смогли переломить эту удивительную тягу крестьян к «моральному» хозяйствованию.

Не будем, однако, идеализировать силу межсемейной солидарности. История свидетельствует о прекращении такой взаимовыручки в экстремальной ситуации, скажем, в условиях голода, когда борьба за выживание индивидуализируется, а ткань социальности истончается. Трудности сплачивают людей, однако многократно подтвержден тезис П. Сорокина, что определенная продолжительность, глубина и форма кризиса может вызвать и противоположную реакцию в виде дезинтеграции межсемейных связей [Sorokin, 1941].

ляется обязательным условием воспроизводства горожанами практик, изначально сформировавшихся в сельской общине. Материальные «мостики» не нужны в эпоху мозаичности практик.

¹⁸ Дж. Скотт отмечает, что этот же моральный посыл был свойствен и протестному движению городских бедняков XIX века [Скотт, 1999].

История российской деревни, записанная со слов ее непосредственных участников, очевидцев всех пертурбаций и социальных экспериментов, представлена на страницах книги «Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах». Мы не будем останавливаться на описании отдельных этапов довольно драматичной истории отношений крестьянства и власти — это тема явно выходит за рамки данного раздела. Но для нас важен принципиальный посыл этих воспоминаний: чем более враждебно государство, тем более организована и широкомасштабна межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. И наоборот, взятие государством на себя ряда важных социальных функций ведет к ослаблению неформальной кооперации, к низведению ее на уровень культурно-духовной и психологической поддержки. «В период обязательных поставок продукции ЛПХ государству (вплоть до середины 50-х годов) семьи кооперировались для сдачи налогов, пытались найти наиболее выгодный для себя способ их уплаты. ...Это была самозащита людей, крайне зависимых от внешней воли и произвола властей». Прошли годы и государство решилось на поэтапное послабление колхозного крестьянства. Что в результате? «Разбогатевший колхоз 70—80-х годов взял на себя часть социальных функций и тем самым уменьшил потребность в неформальной кооперации односельчан» [Фадеева, 1999а, с. 188, 189]. Неслучайно старики, сравнивая былые годы с периодом расцвета колхозов и совхозов, сетовали на утрату прежней взаимопомощи односельчан [Голоса..., 1996, с. 225, 346]. Источник помощи извне гасил стимул к самостоятельной поддержке.

Если продолжить эти рассуждения применительно к сегодняшним дням, то очевидны ослабление патронажной функции государства, распад колхозно-совхозной системы, нежелание новых крупных экономических агентов нести груз социальных обязательств. В этих условиях всплеск сетевой взаимопомощи не просто легко прогнозируется, но и абсолютно вписывается в общую логику исторического анализа. Семьи, держась друг за друга, своим единением смягчают просчеты государственной социальной политики, рождая причудливый симбиоз домашней и общественной экономик [Никулин, 1998а]. Межстрановые сравнительные исследования указывают «на сохраняющуюся значимость традиционных форм взаимопомощи в общинах России» [Пилиховский, Столбов, 2000, с. 38]¹⁹.

Таким образом, исторический анализ привносит в разговор о реципрокности следующие смысловые блоки:

¹⁹ Подобный вывод делается и относительно Болгарии, тогда как, по мнению авторов, в польских общинах происходит процесс формальной рационализации [Пилиховский, Столбов, 2000].

- реципрокность укоренена в традициях общинности, многообразных коллективных «помочах» и «круговой поруке»;
- сетевая поддержка направлена на равенство прав на жизнь, что не означает стремления к равенству условий жизни, т.е. носит не эгалитарный, а элементарный характер;
- значение межсемейной поддержки возрастает, а формы становятся более многообразными при сокращении участия государства и крупных собственников в решении социальных вопросов;
- межсемейные сети сворачиваются в экстремальной исторической ситуации, когда начинают доминировать индивидуальные формы борьбы за выживание.

Итак, сетевая взаимопомощь привлекает внимание ученых, представляющих разные научные направления и школы. Классическая антропология акцентирует внимание на символическом смысле даров на примере традиционных обществ, сетевой анализ подчеркивает функциональное значение сетевизации рыночных и дистрибутивных систем, а историческая социология указывает на конкретные формы сетевой взаимопомощи и их вариации в исторической перспективе. Таким образом, экономика дара не является «белым пятном» в социальных науках. Скорее наоборот. Тема реципрокности совершила за последние 15—20 лет бурный рывок из периферийной в приоритетную область экономической социологии. В сложных узорах сетевой взаимопомощи довольно отчетливо прочитывается пафос отрицания экономического детерминизма, что и определило, в значительной степени, рост интереса к этой теме. Действительно, трудно найти такое явное пренебрежение к морали экономического расчета, как в дарообменах домохозяйств. Равно как трудно найти такое явное следование культурным кодам и социальным нормам, как в практике одаривания ближнего.

Но может быть, это идеализация повседневности? И жизнь людей настолько трудна, что им не до взаимных любезностей? Удалось ли борьбе за выживание вытеснить практику поддержки ближнего? Или, наоборот, люди сплотились, упрочили сетевые контакты? Насколько в их жизни значима роль реципрокных обменов? Как функционируют домохозяйственные сети в России конца 1990-х гг.? В чем специфика сельских и городских сетей? Какие закономерности свойственны им? И есть ли такие закономерности вообще, или реципрокные взаимодействия семей абсолютно стихийны и ситуативны? Попытка ответить на эти вопросы содержится в следующем разделе.

Раздел 3. СЕТЕВЫЕ ОБМЕНИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Единодушно мнение, что межсемейная реципрокность не является декоративным элементом социума, а представляет собой «несущую основу» повседневной жизни россиян. Так, И. Штейнберг называет межсемейные сети «русским чудом» [Штейнберг, 1999]. Впрочем, «неофициальная, межсемейная поддержка и защита является одним из важнейших факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила» [Бедность..., 1998, с. 252]. Но хотелось бы знать о межсемейных обменах подробнее. Кроме деклараций об их целесообразности и распространенности хорошо было бы знать логику таких обменов, их качественные и количественные параметры.

В данном разделе сетевой обмен домохозяйств предстанет в количественных оценках и свидетельствах его непосредственных участников. Попытка количественного анализа реципрокных отношений довольно претенциозна, поскольку каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свои, ведомые только участникам обмена «поправочные коэффициенты». Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Помощь родителей не обязательно порождает ответные действия детей, а забота детей не всегда определяет меру родительской благодарности. Однако это не ведет к разрыву отношений, поскольку за каждым обменным актом стоит не обезличенная потребность максимизации прибыли, а многослойный контекст отношений контрагентов, культурные коды микросоциума. Данное обстоятельство емко и образно выразил И. Штейнберг, введя понятие «*психологический рубль*» [Штейнберг, 2002]. Однако было бы неправильно на этом основании отказываться от количественного анализа сетевых обменов. Иначе вместо прояснения проблемы мы получим ее затуманивание. Понимая ограниченность количественного анализа сетевых взаимодействий, мы сознательно встаем на этот путь.

Задача раздела — создать эмпирический портрет реципрокных обменов российских домохозяйств, дополняя количественные оценки качественными данными.

Методика исследования, или как и что можно узнать о реципрокных обменах домохозяйств

Исследовательские методики, применяемые к анализу межсемейных обменов, делятся на количественные и качественные. Озадачивает расхождение, получаемое в этих случаях. «Качественники» доказывают тотальность этой практики. «Количественники», как правило, выявляют более скромный масштаб реципрокных отношений. Так, по данным Г. Градосельской, «доля городских домохозяйств, не участвующих в обмене трансфертами, в 1992 г. составляла 60,25%, а в 1998 г. — 30,19%» [Градосельская, 1999, с. 157]. Схожая оценка приводится и В. Радаевым: доля семей, связанных отношениями реципрокного обмена, составляет около 70% [Radaev, 2001, p. 356]. По мнению же О. Фадеевой, «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [Фадеева, 1999а, с. 193]. Этой же оценки придерживается и О. Лылова: «Особенность жизни на селе такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги» [Лылова, 2002, с. 84]. Разницу оценок вряд ли можно свести к различиям городского и сельского сообществ. Видимо, дело в инструментарии. Г. Градосельская и В. Радаев пользовались формализованным анкетным опросом, а О. Фадеева использовала наблюдения и углубленные интервью. Мы полностью согласны с В. Виноградским, который отмечал, что «данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты» [Виноградский, 1999, с. 45]. Эта «незаметность» и не позволила формализованной анкете уловить этот «воздух», слабо рефлексированный самими респондентами. Но достоинства количественных методов неоспоримы: они придают рассуждениям жесткую доказательность.

Попытка объединить количественную и качественную логику анализа составила методическую основу проекта «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» (руководители — Т. Шанин и В. Радаев)²⁰. Для изучения сетевых взаимодействий собиралась информация трех видов: а) сетевые бюджеты, б) графические изображения сетей, в) интервью, посвященные сетевой проблематике.

Сетевые бюджеты представляли собой ежедневную фиксацию всех сетевых взаимодействий, будь то обмен продуктами, помощь трудом, передача денег в долг или безвозмездно, а также эмоциональные и информа-

²⁰ Проект осуществлен при поддержке INTAS (№ 97-21457).

ционные трансферты²¹. Последние, правда, не могут использоваться в количественном анализе в силу значительной субъективности при их фиксации и невозможности их стоимостного измерения. Поэтому мы используем в анализе только трансферты, имеющие безусловную и однозначно понимаемую количественную оценку. А именно:

- *продуктовые* трансферты (продукты питания и вещи, включая товары длительного пользования), оцениваемые в рублях;
- *денежные* трансферты (деньги, переданные в дар, т.е. безвозмездно) в рублевом эквиваленте;
- *долговые* трансферты (одаживаемые и отдаваемые в погашение долга суммы) в рублевом эквиваленте;
- *трудовые* трансферты (трудовая помощь), измеряемые в часах.

Эти ресурсные потоки отслеживались ежедневно в течение года — с 1 сентября 1999 г. по 31 августа 2000 г. В нашем анализе используются данные сетевых бюджетов 17 сельских (село Даниловка Саратовской области) и 12 городских (г. Краснодар) семей²². Домохозяйства отбирались по двум критериям: учитывался возраст семьи и ее материальное положение. Возраст предполагал три градации: молодые семьи (супруги до 30 лет включительно), семьи среднего возраста (супруги от 31 до 50 лет) и пожилые семьи (супруги старше 50 лет). Материальное положение семьи определялось по шкале ВЦИОМа²³. Самооценка респондентов сравнивалась с оценкой эксперта-интервьюера, входящего в семью и контролирующего заполнение сетевых бюджетов. За редким исключением эти оценки совпадали. Подчеркнем, что выборка семей в селе и в городе не репрезентативна, т.е. исследование реализует стратегию case-study (табл. 2).

²¹ Это соответствует традиции Дж. Тернера делить потоки в социальных сетях на материальные, символические и эмоциональные. Под символами Тернер понимает информацию, идеи, сообщения [Turner, 1991, p. 550]. Впрочем, ресурсная идентификация потоков зачастую затруднена. Например, не ясно, куда относить трансферты, основанные на административном ресурсе субъектов взаимодействия. Скажем, освобождение водительских прав путем телефонного звонка или «доставание» дефицитного лекарства, что фактически является услугой сетевого характера. Такого рода административные трансферты не учитывались в бюджетах, но многократно отмечались в интервью.

²² Эмпирические данные по селу Даниловка Саратовской области собраны И. Штейнбергом и М. Морехановой. Данные по г. Краснодару предоставлены А. Деминим. Их кропотливый и добросовестный труд заслуживает отдельной благодарности.

²³ Речь идет о вопросе: «К какой из следующих групп населения Вы могли бы отнести себя скорее всего?» Бедными семьями называли тех, у кого денег не хватает на продукты или покупку одежды; среднеобеспеченным семьям денег не хватает на покупку вещей длительного пользования или «действительно дорогих вещей». Богатая семья выбирала вариант «Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, дачу и многое другое».

Таблица 2. Распределение семей, вошедших в выборку, по возрасту и благосостоянию

Тип семьи	Бедные семьи		Среднеобеспеченные семьи		Богатые семьи	
	Село	Город	Село	Город	Село	Город
Пожилые семьи	—	1	3	2	—	—
Семьи среднего возраста	3	2	5	4	2	1
Молодые семьи	2	1	2	1	—	—

По каждому обменному акту фиксировались:

- дата обмена;
- направление трансферта (исходящий или входящий ресурсный поток);
- контрагент обмена (кому предназначен или от кого получен трансферт);
- вид трансферта (продуктовый, трудовой, денежный безвозмездный или долговой);
- величина трансферта в стоимостных показателях или в часах;
- описание трансферта (натуральные показатели продуктовых даров или содержание трудовой помощи).

Бюджетные записи выглядели следующим образом: 2 марта передали дочери килограмм моркови на сумму 7 руб.; 3 марта получили от племянника безвозмездную денежную помощь в сумме 50 руб.; 6 марта внук отремонтировал телевизор, на что ему понадобилось 2 ч. и т.д.

Всего в течение года было зафиксировано более 3,5 тыс. трансфертов, явившихся единицами анализа. Напомним, что речь идет всего о 29 домохозяйствах. Таким образом, среднее домохозяйство за год участвовало в сетевых обменах более сотни раз, т.е. *в среднем раз в три дня российская семья принимала или оказывала помощь на безвозмездной основе*. Это к вопросу о распространенности реципрокных обменов. Велика и их значимость: доля отданных благ в совокупных доходах сельских семей составила в среднем 10%, а доля полученных благ — 12%. И это не учитывая трудовую помощь, информацию и советы. Совокупный баланс сетевых обменов всех исследуемых семей см. [Барсукова, 2003, с. 98].

Помимо сетевых бюджетов со слов респондентов получали *графическое изображение* его сетевого мира, сопровождаемое комментариями о динамике сетевой конфигурации, логике сетевого членства, силе связей и т.д. Совместная с исследователем зарисовка сети служила поводом ее обсужде-

ния и объяснения. Заметим, что наши сети исключительно *эгоцентричные*. С этим связаны два ограничения. Первое — фиксируются связи респондента с названными им контрагентами без учета того, что эти контрагенты, в свою очередь, могут быть знакомы друг с другом, обмениваться ресурсами, иметь предпочтения в общении. В этом суть различия эгоцентричных сетей от так называемых полных отношенческих сетей (full relational social networks). Второе ограничение связано с восприятием домохозяйства как единого целого, т.е. без учета внутренних дарообменов между членами семьи²⁴. Входные потоки привносят в семью продуктовую, денежную, трудовую помощь, а выходные потоки, наоборот, передают соответствующие ресурсы внешнему окружению. Сопоставление сетевых бюджетов и сетевой графики давало возможность проверки выводов исследования.

Во всех семьях, заполняющих сетевые бюджеты, были проведены *углубленные интервью* (29 интервью), включающие в качестве тематического блока сетевую проблематику. В дополнение к этому было проведено 6 интервью исключительно по проблемам сетей с семьями, не участвующими в бюджетном опросе.

И последнее, чем стоит предварить результаты исследования. Сетевое взаимодействие имеет две основные характеристики — плотность и интенсивность. Под *плотностью сетевого взаимодействия* понимается количество обменных актов в единицу времени (в нашем случае в течение года). Под *интенсивностью сетевого взаимодействия* понимается стоимостный эквивалент продуктовых и денежных даров. Плотность и интенсивность обмена может измеряться по сети в целом или в отношении отдельного контрагента. Таким образом, плотность обмена редуцируется до слов «как часто» происходят трансферты, а интенсивность обмена — до слов «какова стоимость» продуктовых и денежных даров.

Бухгалтерия домохозяйственных обменов

Вокруг сетевых обменов роится множество спекуляций. Сетям приписывают то полный альтруизм, то законспирированную корысть. Правда ли, что нормы сетевого общения предполагают ответную реакцию на любой дар, от

²⁴ Потоки внутри домохозяйств представляют собой отдельную исследовательскую тему. Как справедливо отметил Пал, «мы привыкли рассматривать домохозяйство как единицу, внутри которой потоки неразличимы, тогда как необходимо увидеть отдельно эти потоки, а также социальные и экономические отношения, которые фиксируются в виде контроля различных членов домохозяйств за теми или иными потоками» [Pahl, 1983, p. 256]. Б. Малиновский считал внутрисемейные дары «чистыми», так как в них отсутствует ожидание ответных действий [Malinowski, 1922, p. 177]. Хотя именно в ситуации отсутствия ответных потоков возрастает зависимость одариваемого.

кого бы он ни исходил, с соблюдением стоимостного равенства даров? Если это так, то на любой дар следует «отдар», примерно равный по стоимости²⁵.

Для ответа на этот вопрос были рассчитаны *индекс плотности* (соотношение числа исходящих и входящих трансфертов) и *индекс интенсивности обмена* (соотношение стоимости встречных потоков) *с каждым участником сети*. Индексы, близкие к единице, говорят о примерном совпадении числа и стоимости дарообменов в данной паре взаимодействия. Значение меньше единицы означает, что семья реже (или меньше по стоимости) дает, чем получает в данном обменном дуэте, а превышение единицы свидетельствует об обратном. При однонаправленных потоках индексы не рассчитывались, но наличие таких пар говорит само за себя.

Согласно данным бюджетного обследования, равные единице индексы плотности и интенсивности обмена крайне редки, что означает несоответствие числа даров «туда» и «обратно», а также расхождение их стоимости (табл. 3). И даже *двойное несоответствие* количества и стоимости исходящих и входящих потоков (что соответствует значению индексов в интервале от 0,5 до 2,0) встречается крайне редко. Так, более половины сельских и городских пар взаимодействия легко выходят за грань двойного расхождения частоты и стоимости получаемых и отдаваемых благ. К тому же почти все семьи хотя бы с одним участником сети выступают исключительно в роли донора или реципиента, ломая логику «ответного хода».

Что же получается? А получается, что в реципрокных обменах нет ритма маятника, нет парной симметрии количества и стоимости даров. Роль дарителя может повторяться в несколько раз чаще, чем роль принимающего блага, и наоборот. При этом возможно многократное стоимостное несоответствие отданного и полученного. Однако эта ситуация не ввергает сети в раздоры и тяжбы. Впрочем, подобное несоответствие обмениваемых благ более гладко проходит в отношениях с родственниками. Чужие люди зачастую реагируют на свою неспособность адекватно отблагодарить более болезненно, как на бытовой маркер социальной демаркации. Это обстоятельство отмечают состоятельные респонденты: *«Когда я начала больше отдавать, то в итоге я всех потеряла. Лучше не делать добра такого, что человек чувствует себя обязанным. Если уже перебарщиваешь с благотворительностью, то ничего хорошего не получится, как правило, теряешь человека»*.

²⁵ Наша фантазия слишком бедна, что вообразить себе многообразие форм «ответных даров». В интервью представлен их калейдоскоп, включая довольно экзотические формы. Так, знакомая завуч обязывает учительницу бесплатно заниматься с сыном подруги, чей муж отремонтировал ее автомашину. А в другой семье благодарность соседей проявляется в том, что они приходят с каталогом модной одежды и убеждают сына надеть купленную родителями вещь. Или, например, один респондент в течение года пользовался кофемолкой соседей, а другой — стиральной машиной подруги.

Таблица 3. Характер связи с контрагентами сети по числу обменных итераций и стоимости даров

Характер связи с контрагентами по числу итераций или стоимости отданных и полученных даров	Индексы плотности и интенсивности обмена с каждым участником сети	Количество контрагентов	
		Село	Город
Контрагенты, которым семья отдает	<i>реже</i> , чем получает, более чем в 2 раза <i>меньше по стоимости</i> , чем получает, более чем в 2 раза	13	17
		16	18
Контрагенты, которым семья отдает	<i>реже</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза <i>меньше по стоимости</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	11	8
		11	8
Контрагенты, которым семья отдает	<i>столько же раз</i> , сколько получает <i>столько же по стоимости</i> , сколько получает	10	3
		1	0
Контрагенты, которым семья отдает	<i>чаще</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза <i>больше по стоимости</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	14	10
		10	2
Контрагенты, которым семья отдает	<i>чаще</i> , чем получает, более чем в 2 раза <i>больше по стоимости</i> , чем получает, более чем в 2 раза	15	13
		13	11
Контрагенты, которым семья только отдает или от которых только получает	Индекс не рассчитывается	36	19

Как было показано выше, семья может помогать одним и получать помощь от других, в результате чего в каждой паре взаимодействий за год набегает приличное несоответствие получаемых и отдаваемых благ. Но может быть эти несоответствия «гасят» друг друга? И в совокупности сетевых обменов семьи выходят на своеобразную «ничью» со своим сетевым окружением? То есть существует ли примерное равенство частоты и стоимости отдаваемых и получаемых благ в целом по сети?

Для прояснения общесетевой ситуации были рассчитаны *индекс плотности* и *интенсивности совокупного обмена семьи* как соотношение числа и стоимости исходящих и входящих трансфертов семьи в течение всего года. Наивно ожидать, что эти индексы равны единице, что означало бы неправдоподобную серьезность семейной бухгалтерии, маниакальную страсть учитывать каждый дарованный рубль и панический страх не поделиться на

Таблица 4. Характер совокупного сетевого обмена по числу обменных итераций и стоимости даров

Характер связи с сетевым окружением по количеству и стоимости отданных и полученных даров	Индексы плотности и интенсивности совокупного обмена семьи	Количество семей	
		Село	Город
Семья отдает	<i>реже</i> , чем получает, более чем в 2 раза <i>меньше по стоимости</i> , чем получает, более чем в 2 раза	5	4
		5	6
Семья отдает	<i>реже</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза <i>меньше по стоимости</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	2	4
		3	2
Семья отдает	<i>чаще</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза <i>больше по стоимости</i> , чем получает, но не более чем в 2 раза	5	2
		3	1
Семья отдает	<i>чаще</i> , чем получает, более чем в 2 раза <i>больше по стоимости</i> , чем получает, более чем в 2 раза	5	2
		5	3

эту же сумму с ближним. Аптечная точность странно смотрится в интерьере семьи. Поэтому будем считать отношения паритетными, если частота и стоимость получаемых и отдаваемых благ различаются не более чем в два раза. Оказалось, что в интервал двойного несоответствия ($0,5 < I < 2,0$) попадает менее половины нашей выборки. В остальных случаях речь идет о многократных несоответствиях числа и стоимости входящих и исходящих трансфертов (табл. 4).

Таким образом, семьи преимущественно одаривают либо одариваемы. Стоимостные оценки совокупных входных и выходных потоков тоже, как правило, не равны. Другими словами, *семьи, выступая для кого-то донором, а для кого-то реципиентом, в целом не выходят на «ничью»*. Зачастую люди не задумываются об этом. Из интервью: «Мне стыдно признаться, но я первый раз в разговоре с вами проанализировала и поняла, что мне больше помогают, чем я. Но мои родные и знакомые уверены, что если я смогу, то обязательно им тоже помогу».

Неэквивалентность сделки вовсе не нарушает принципа взаимности обмена. Во-первых, эквивалентность может достигаться при расширении временного горизонта исследования, либо при отслеживании замкнутых сетевых контуров, когда «отдар» приходит не от того, кто получил «дар». Ог-

раниченность методики эгоцентричными сетями и годовым интервалом сбора данных не дает возможности учесть эти вознаграждения. Во-вторых, взаимность может достигаться либо в виде эмоциональной или информационной поддержки, либо в виде повышения социального статуса или накопления социального капитала дарителя. Во всех этих случаях взаимность дарообмена присутствует, а эквивалентности может не быть. Это лишний раз доказывает принципиальную ненацеленность реципрокности на эквивалентность обменов.

Подчеркнем, что данное утверждение строится на учете только тех трансфертов, которые имеют стоимостную оценку (продуктовые трансферты и подаренные деньги). Одалживаемые суммы, трудовое участие, информационные и эмоциональные трансферты в данном случае не рассматриваются, хотя ценятся зачастую очень высоко и полностью сглаживают субъективную оценку внешне неэквивалентного обмена²⁶. Изменится ли вывод, если в анализ ввести помощь трудом?

Труд как дар

Помощь трудом в российских семьях довольно распространена. И не исключено, что трудовые трансферты компенсируют неэквивалентность продуктовых и денежных обменов. Так ли это? Усугубляют или сглаживают трудовые трансферты неравенство продуктовых и денежных даров?

Для ответа на этот вопрос мы сопоставили продуктовые, денежные и трудовые обмены обследуемых семей²⁷. Сглаживающее влияние трудовых трансфертов означает, что доноры стоимостных трансфертов выступают реципиентами трудовой помощи. Или, наоборот, реципиенты превращаются в доноров, «гася» долги трудовым энтузиазмом. Усугубление неравенства стоимостного обмена означает, что роли донора и реципиента в трудовом обмене соответствуют ролям стоимостного взаимодействия.

²⁶ Большинство респондентов в интервью подчеркивали важность информационных и эмоциональных контактов. При этом информационные трансферты, как правило, обслуживают два рода проблем — трудоустройство и покупка дорогих вещей. В первом случае услуга оказывается в виде рекомендации, во втором — как экспертная оценка потребительских свойств товара. Ни одна дорогостоящая покупка не совершается без консультации с теми, кто «разбирается в этом». «Я весь день на телефоне подруг продержала, потому что муж сказал, что к вечеру я должна определиться, какой кондиционер нам нужен».

²⁷ Мы не группируем трудовые трансферты по типам решаемых ими задач, хотя и признаем креативность предложенной Е. Шиком классификации взаимного обмена трудом на нерыночной основе (reciprocal exchange of labour on a non-market basis). Он выделял три типа такого обмена: 1) обмен трудом во имя неэкономической цели, например, ради сплочения группы, 2) для повышения эффективности труда, 3) для преодоления нехватки рабочей силы из-за непредвиденных (например, болезнь) или же ожидаемых трудностей (например, строительство дома) [Sik, 1989].

Здесь необходимо оговорить три момента. Во-первых, сравнение проходит не по каждому обменному тандему, а по сети в целом, т.е. семья может получать вещи и деньги от одних, а оказывать трудовую помощь другим. Это вполне логично, учитывая сложную систему взаимных обязательств участников сети. Во-вторых, предполагается единая ценность условного часа трудовой помощи, что является очень сильным допущением. В-третьих, сглаживающее влияние трудовых трансфертов может быть далеко не адекватным стоимостному дисбалансу. В данном случае этому не придается значения. Для нас важно лишь выяснить, сглаживают или усугубляют трудовые трансферты неэквивалентность стоимостных обменов без учета степени такого влияния.

Согласно нашим данным, в половине сельских и подавляющем большинстве городских семей *трудовые трансферты не сглаживают, а усугубляют неэквивалентность продуктовых и денежных трансфертов*. Представления, что трудовой энтузиазм «гасит» продуктовую зависимость, не имеют под собой оснований: *привыкшие брать берут многопланово, а привыкшие одаривать делают это в том числе с помощью труда*. Реципиенты стоимостных благ остаются реципиентами и в трудовых обменах, а доноры дотируют сетевое окружение не только продуктами и деньгами, но и трудом.

На практике это означает, что, получая от родителей набитую продуктами сумку, дети скромно интересуются, когда к ним придут помочь с уборкой, а от починившего телевизор приятеля принимают в дар новую антенну.

Интересно посмотреть на общее соотношение продуктовых, денежных и трудовых трансфертов. Какой вид сетевых ресурсов преобладает? И есть ли различие между городскими и сельскими сетями? Правда ли, что натурализация села приводит к тому, что в сельских сетях преобладают продуктовые и трудовые трансферты, а в городских — денежные?

Действительно, стоимость переданных продуктовых и денежных даров существенно различается в сельских и городских сетях (табл. 5). Селяне почти три четверти помощи оказывают продуктами и только четверть — деньгами. Это связано с наличием личного подсобного хозяйства (ЛПХ), обеспечивающего материальную базу таких обменов²⁸. Горожане, наоборот, большую часть поддержки получают в форме денежных дотаций.

²⁸ О роли ЛПХ в жизни селян говорит тот факт, что в среднем денежные и натуральные доходы от него составляют 48% совокупного дохода сельских семей [Фадеева, 1999б, с. 440], а доля продукции ЛПХ в совокупном сельскохозяйственном производстве составила в 1995 г. 38% [Калабихина, 1997, с. 132]. При этом товарность ЛПХ невелика на селе, а в городе — просто символическая. По данным обследования, проведенного в 1998 г. в г. Кемерово, 92% семей не продавали выращенную продукцию. Зато весомая часть урожая расходуется по сетям социальной поддержки: 58% городских домохозяйств отдают в среднем около 30% выращенного урожая друзьям или родственникам [Варшавская, 1999, с. 104].

Продуктовая база обменов у них значительно скромнее в силу, во-первых, отсутствия у многих дач и садовых участков и, во-вторых, скромной роли подсобного хозяйства в обеспечении городского населения продуктами питания. Городские ЛПХ значительно закрывают потребность в картофеле и овощах, но беспомощны в производстве мясных и молочных продуктов²⁹. Но этот вывод учитывает стоимостной эквивалент помощи.

Соотношение количества соответствующих трансфертов рисует совсем иную картину. И в городе, и на селе около десятой части сетевых взаимодействий приходится на трудовую помощь. Примерно та же доля безвозмездных денежных даров. Более того, на селе деньги дарят даже немного чаще, чем в городе: дефицитность денежных купюр на селе обуславливает значимость этого жеста. Оставшаяся часть трансфертов (порядка 80%) приходится на продукты и вещи. В целом соотношение количества продуктовых, денежных и трудовых трансфертов примерно одинаково в сельских и городских сетях, а вот объемы прокачиваемых в их рамках ресурсов — различны. Село практикует скромные денежные и обильные продуктовые передачи, город — скромные продуктовые и щедрые денежные дары.

Материально-возрастная детерминация положения в сети

Участники сети находятся в круговороте оказания-получения помощи. Однако одни больше получают, другие больше отдают. Чем различаются эти домохозяйства? Учитывая каноническое представление о сетях как меха-

Таблица 5. Доля продуктовых, денежных и трудовых трансфертов в сельских и городских сетях, %

Вид трансфертов	Село		Город	
	Доля трансфертов в их общем количестве	Доля трансфертов в их совокупной стоимости	Доля трансфертов в их общем количестве	Доля трансфертов в их совокупной стоимости
Продукты	76,9	73	80,8	38
Деньги (безвозмездно)	12,3	27	8,9	62
Труд	10,8	—	10,3	—
Всего	100	100	100	100

²⁹ По данным опроса кемеровчан, семьи, имеющие садово-огородный участок, производят 91% потребляемого картофеля, 78% овощей, но только 4% мясных и 2% молочных продуктов [Варшавская, 1999, с. 104].

низме амортизации социального неравенства, разумно предположить, что возраст супругов и материальное положение семьи определяют ее место в континууме «реципиент-донор». Так ли это? Верно ли, что молодые семьи чаще, чем пожилые оказываются реципиентами, а состоятельные семьи чаще, чем бедные — донорами сетевого общения?

Для семей разного возраста и материального положения определим среднее значение индексов совокупной плотности и интенсивности сетевого обмена [Барсукова, 2003, с. 111]. На основе этих индексов разобьем семьи на группы — радикальный реципиент, умеренный реципиент, умеренный донор, радикальный донор. Радикальный реципиент получает дары более чем в два раза чаще (или больше по стоимости), чем отдает, что соответствует значению соответствующих индексов от 0 до 0,5. Умеренный реципиент получает чаще (или больше), но менее чем в два раза (индексы от 0,5 до 1,0). Нетрудно догадаться, что умеренный донор отдает чаще (или больше по стоимости), чем получает, но не более чем в два раза (индексы от 1,0 до 2,0). И, наконец, радикальный донор выходит за эту границу (индексы более 2,0). Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6. Характеристики семей по плотности и интенсивности обмена

Тип семьи	Бедные семьи		Среднеобеспеченные семьи		Богатые семьи	
	Село	Город	Село	Город	Село	Город
Характеристика семей по плотности обмена						
Пожилые семьи		Умеренный реципиент	Умеренный донор	Умеренный донор		
Семьи среднего возраста		Умеренный реципиент	Умеренный донор	Радикальный донор	Радикальный донор	Радикальный донор
Молодые семьи	Умеренный реципиент	Радикальный реципиент	Умеренный донор	Радикальный реципиент		
Характеристика семей по интенсивности обмена						
Пожилые семьи		Умеренный реципиент	Умеренный реципиент	Умеренный донор		
Семьи среднего возраста	Умеренный реципиент	Радикальный реципиент	Умеренный донор	Умеренный донор	Радикальный донор	Радикальный донор
Молодые семьи	Радикальный реципиент	Радикальный реципиент	Радикальный донор	Радикальный реципиент		

Сезонные колебания сетей

Действительно, в средней и старшей возрастной группах как в городе, так и на селе происходит движение от реципиентства к донорству по мере улучшения материального положения семьи (движение по строке). Сеть выступает перераспределительным механизмом, выравнивающим жизненные возможности участников сети. Семья получает помощь более зажиточных и помогает менее обеспеченным, что приводит к своеобразной усталости состоятельных домохозяйств от сетевых обязательств. Из интервью: «*В основном, я оказываю помощь, а не мне. Честно говоря, я устала от этого. «Родственники пользуются нами. Но куда их отпихнешь?»*. В результате наблюдательный респондент заметил, что «*нищета больше сплавляет людей*».

В свою очередь, в одной материальной нише усиливается донорство по мере взросления супругов (движение по столбцу). Старшие опекают младших, что особенно заметно в городе. Городские молодые семьи являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения. Молодым помогают даже тогда, когда экономическое положение семей диктует противоположную направленность потоков. Зачастую это объясняют тем, что, дескать, у старшего поколения есть «запас прочности», накопленный за жизнь без экономических встрясок. На наш взгляд, это заблуждение. И при отсутствии «запаса прочности» помощь не ослабевает. Она диктуется логикой не экономической, а социальной. Важным ресурсным благом, которым владеет старшее поколение, является свободное время, отдаваемое внукам. Оставленные у дедушек и бабушек внуки позволяют родителям экономить на путевках в лагерь, на оплате услуг нянечек, а также на продуктах питания, так как вопрос о компенсации затрат в связи с пребыванием внуков, как правило, не ставится. Не случайно в сетях, где есть внуки, выше степень донорства старшего поколения³⁰. Появление внуков обрекает стариков на дополнительную заботу. Но делают они это добровольно и с чувством глубокого удовлетворения, так как видят в этом проявление своей полезности и социальной востребованности. Игра в дочку-матери оказывается не только увлекательной, но и выгодной для детей.

На селе отношение к молодым семьям более приближено к экономической логике. Если материальное положение позволяет, то молодые семьи, несмотря на возраст, становятся донорами своего социального круга. Молодость на селе менее канонизирована, она не является той священной короной, ради которой приносят себя в жертву остальные участники сети.

³⁰ К выводу о повышенном бремени старшего поколения пришел и В. Радаев: «согласно простой схеме межпоколенного обмена, наиболее состоятельная средневозрастная страта должна поддерживать своих более молодых и старых родственников. Эта простая схема не работает в России. ...Пенсионеры предпочитают становиться донорами и оказывать денежную поддержку своим детям и внукам» (Радаев, 2001, р. 359).

Не секрет, что жизнь селян более зависит от природных условий, чем жизнь горожан. Отражается ли это на сетевых взаимодействиях? Верно ли, что сельские сети в большей мере подвержены сезонным колебаниям, чем городские?

Наши данные дают основания для утвердительных ответов. Действительно, *обмены дарами на селе многочисленнее летом и осенью, чем весной и зимой*. Так, почти каждый третий трансферт на селе приходится на период с июня по август, тогда как в зимнее время (декабрь — февраль) число трансфертов уменьшается в полтора раза (табл. 7). Это легко объяснить сезонностью урожая и потребности в трудовой помощи. Заметим, что данные касаются Кубани и Саратовской области, что оправдывает представления о трехмесячной протяженности времен года.

В городе же сезонные колебания обменов менее заметны. Плотность трансфертов едва ли несет на себе печать природных условий. Сети поддерживают выработанный в них ритм взаимодействий без учета климатических факторов. Более того, максимальное число городских трансфертов приходится на зимние месяцы (возможно, в связи с обилием праздников), когда сельские сети успокаиваются и относительно замирают ввиду ресурсных ограничений, имеющих сезонную природу.

Таблица 7. Распределение числа трансфертов по временам года, %

Времена года (месяцы)	Село	Город	Все семьи
Осень (сентябрь — ноябрь 1999 г.)	27,7	25,6	26,7
Зима (декабрь 1999 г. — февраль 2000 г.)	19,0	27,0	23,1
Весна (март — май 2000 г.)	22,5	25,2	23,9
Лето (июнь — август 2000 г.)	30,8	22,2	26,3

Объемные показатели вносят уточнение в понимание сезонной специфики обменных актов (табл. 8). Так, трудовая помощь и горожан, и селян привязана к природным условиям. Летом горожане активно строят дачи, гаражи, ремонтируют квартиры, обихаживают садовые участки. Неудивительно, что более половины трудовой помощи горожан (56,6%) осуществляется с июня по август. Селяне растягивают радость совместных усилий на лето-осень, вмещающая в этот период 66,3% трудовой помощи. Менее явно, но опять же в пользу летне-осеннего сезона варьирует на селе помощь продуктами. В городе стоимостный пик продуктовой помощи приходится на осень и зиму. Но денежные дары свободны от сезонной зависимости. Объем денежных даров определяется скорее калейдоскопом праздников и лич-

ных юбилеев, а также погашением долга по заработной плате и пенсиям, чем временем года.

Таким образом, сезонные колебания межсемейных обменов проявляются, во-первых, в продуктовых и трудовых транзакциях, но никак не в денежных. Во-вторых, село активизируется летом и осенью как по плотности обменных актов, так и по их интенсивности. Зимой и весной на селе наступает относительный обменный штиль. Город же по частоте даров не имеет явно выраженных сезонных предпочтений. Что же касается их объема, то трудовая помощь горожан концентрируется в летние месяцы, а продуктовая — в осенне-зимние.

Таблица 8. Распределение объема трансфертов по временам года

Времена года	Продукты		Деньги (дар)		Труд	
	Руб.	%	Руб.	%	Часы	%
Село						
Осень	23805	27,5	5240	16,6	1556	32,1
Зима	20485	23,7	13010	41,2	898	18,5
Весна	14997	17,3	5535	17,5	738	15,2
Лето	27171	31,5	7797	24,7	1655	34,2
Всего	86458	100	31582	100	4847	100
Город						
Осень	49708	37,8	36945	18,1	1036	12,2
Зима	38631	29,3	23617	11,6	1741	20,6
Весна	25177	19,1	101535	49,7	897	10,6
Лето	18156	13,8	42286	20,7	4800	56,6
Всего	131672	100	204383	100	8474	100

Женское лобби

Обыденные наблюдения показывают, что с родителями жены обмен устанавливается более интенсивный и плотный, чем с родителями мужа. Так ли это? Или родители супругов находятся в равном положении с точки зрения получаемой и оказываемой помощи?

Наши данные свидетельствуют о существенном различии помощи родителям по линии мужа и жены (табл. 9). Неравная помощь родителям супругов связана с внутрисемейным распределением контроля за ресурсами семьи. Даже в семьях, где стратегические вопросы решает муж, продуктовы-

ми запасами, а зачастую и денежными накоплениями ведает жена, что дает ей возможность делать своим родителям более частые и дорогие подарки, чем родителям мужа. Физическая сила — единственный ресурс, который контролирует муж, а не жена. И востребован этот ресурс преимущественно в сельском труде. Как результат, на селе родителям мужа и жены оказывается более равномерная трудовая поддержка. В городе же, где физическая сила — менее обязательный атрибут трудовой помощи, контроль женщин за трудовым ресурсом возрастает, и диспропорция в помощи родителям увеличивается. Так, в городе родителям мужа помогают трудом меньше, чем родителям жены в 2,5 раза, а на селе только в 1,5 раза. Помощь родителям отражает баланс контроля за ресурсами семьи.

Таблица 9. Обмен дарами с родителями мужа и жены

Показатели дарообмена	Связи с родителями жены		Связи с родителями мужа	
	Село	Город	Село	Город
Сколько раз передавались дары	208	91	43	36
Сколько раз принимались дары	227	307	134	134
Стоимость (в рублях) отданных:				
продуктов	7600	3306	1941	2085
денег (в дар)	1625	2350	100	1600
Стоимость (в рублях) полученных:				
продуктов	11487	16585	9037	5148
денег (в дар)	8040	13685	6612	17385
Трудовая помощь родителям жены, часов	374	116	228	48
Трудовая помощь от родителей жены, часов	1747	6042	68	1268

Как видно из таблицы, родители жены помогают молодым семьям активнее, чем родители мужа, но эта разница не идет ни в какое сравнение с различиями встречных потоков. Имея некоторые основания для дифференциации трансфертов своим родителям и родителям мужа, жены доводят эту разницу до таких размеров, что анекдоты по тещ начинают казаться скромной попыткой мужчин восстановить баланс родительских прав.

Сеть как финансовый инструмент

Сеть выступает источником безвозмездных дотаций и заемных кредитов. Однако и безвозмездные, и заемные денежные трансферты зависят не только от нужды одних и состоятельности других. Речь идет о культурных кодах, лимитирующих практику кредитования. Так как же распределены роли в кредитных историях наших семей? Каковы отношения по поводу безвозмездных денежных траншей? Все ли участники сети в равной мере могут опираться на ее финансовые возможности?

Возвратные кредиты в отношениях родителей и детей мало распространены — долговые обязательства рассматриваются как компрометация кровных уз. Даже если деньги и занимают, то очень часто долги «списываются», возможность чего изначально предполагается. Из интервью: «списали большие долги брату — сделали ему свадебный подарок». «Родители с пенсии накопили некоторую сумму и нам ее просто отдали. Сказали: будет возможность — отдадите, не будет возможности — пусть это вам остается». Не исключен и возврат долга в неденежной форме — продуктами или трудом. Близким родственникам морально допустимо давать деньги в долг только при условии крупной суммы. Внушительный размер кредита оправдывает нарушение канона родственной безвозмездной помощи. Так, на вопрос о том, в долг или безвозмездно даются деньги, был ответ: «Смотря какая сумма. До 50 рублей я могу просто дать, если человек нуждается. До тысячи рублей мы давали родителям. А уж больше тысячи мы давали в долг. Даже родителям».

Поскольку деньгами можно распорядиться по-разному, то дарение денег является более гибкой формой контроля за экономикой одариваемого, чем продуктовые и трудовые трансферты. Не случайно, чем более признается самостоятельность одариваемого (например, с взрослением детей), тем чаще дары переходят из вещной в денежную форму.

По мере увеличения родственной дистанции растет распространенность долговых обязательств, достигающих пика в отношениях с неродственниками (соседями, коллегами, друзьями). Так, 80% долговых сумм на селе и 94% в городе возникли в отношениях с неродственниками (табл. 10). Здесь уже и малые суммы можно не дарить, а кредитовать³¹. При этом с соседями практикуют частое кредитование малых сумм, а с друзьями и коллегами кредитные отношения возникают реже, но весомее. На особые события типа свадеб, похорон и пр. деньги могут занимать и у родственников. В этих случаях

³¹ Этот вывод коррелирует с данными, приводимыми О. Лыловой: у родителей занимают деньги в 4 раза реже, чем у соседей, зато у родителей и других родственников берут крупные суммы, а у соседей занимают на каждодневные нужды [Лылова, 2002, с. 85].

средства привлекаются на некую общую для родственников задачу. Автономные же события семьи обслуживаются внеродственным кредитованием.

Безвозмездные денежные ссуды, наоборот, основаны на родственных связях. Именно родственники обеспечили 96% безвозмездной денежной помощи селянам и 97% горожанам. Участие соседей и коллег в таких отношениях минимально. И не потому, что у них каждая копейка на счету. Они могут помочь трудом, поделиться продуктами, подарить вещи и пр. *Но дарить деньги чужим людям не принято.* Из интервью: «У меня подруга очень скромно живет. Она у меня и десятки не возьмет. Я ей стараюсь иногда что-то купить в день рождения. Например, палку колбасы вместо цветов». Это подкрепляется и обыденными наблюдениями. Сосед, поделившийся урожаем, — явление повсеместное, а сосед, предлагающий вырученные от продажи урожая деньги, вызывает недоумение.

Таким образом, родственникам деньги преимущественно дарят (дарованные суммы тем больше, чем ближе родственная дистанция), а неродственникам (соседям, коллегам, друзьям) преимущественно одалживают. Из интервью: «С родителей мы долги не берем. В семье и не надо, чтоб возвращали. А друзья? Вот так, чтобы отдала деньги и не ждала? Безвозмездно? Нет. Я считаю, что если здоровый нормальный человек, то почему я должна благотворительность проявлять?»

Таблица 10. Распределение безвозмездных дотаций и заемных кредитов

Характер отношений	Субъекты взаимодействия	Село		Город	
		Доля денежных трансфертов по стоимости	Количество денежных трансфертов	Доля денежных трансфертов по стоимости	Количество денежных трансфертов
Деньги в долг	Родители	6	4	—	—
	Дети и внуки	—	—	—	—
	Прочие родственники	14	16	6	3
	Соседи	30	32	7	17
	Коллеги и друзья	50	11	87	24
	Итого	100	63	100	44
Деньги в дар	Родители	44	72	16	90
	Дети и внуки	34	50	74	29
	Прочие родственники	18	43	7	26
	Соседи	2	6	1	2
	Коллеги и друзья	2	7	2	11
	Итого	100	178	100	158

Сила родственных связей

При всех разговорах о разрушении родственных уз под воздействием эмансипации, урбанизации, глобализации и прочих казусов современности что-то мешает поверить в их безоговорочность. Кому несут продукты, делятся деньгами, помогают трудом? С кем вступают в кооперацию по выживанию и развитию домашней экономики? С единомышленниками по мировоззрению или с родственниками, зачастую не претендующими на интеллектуальное сходство?

Наши данные говорят исключительно в пользу родственников (табл. 11). На родственников приходится порядка 90% продуктовых, денежных и трудовых трансфертов, и только около 10% достается соседям и дружескому кругу. При этом чем ближе степень родства, тем чаще обмен дарами и тем весомее их величина. Не случайно большая семья рассматривается многими респондентами как своего рода дополнительный ресурс выживания, в том числе и эмоциональной стабильности: *«Нас у мамы было девять. Живем дружно, хорошо, помогаем друг другу. У мужа только мама и сестра. Поэтому он так сильно хотел детей, чтоб побольше, чтоб была действительно семья, а не так: один-два и все»*.

Наиболее плотный и интенсивный обмен происходит между родителями и детьми; обмен с остальными родственниками менее активен. Сестры и братья активно помогают друг другу, но в значительно меньших масштабах, чем родители детям. А уж тети, племянники, двоюродные братья и другие члены семьи, объединенные в категорию «прочие родственники», помогают еще меньше, уступая в трудовых трансфертах друзьям и знакомым³². Минимальная плотность и интенсивность — в обменах с людьми, не являющимися родственниками.

Таким образом, при всех разговорах о конфликте отцов и детей именно между ними курсируют продуктовые передачи, денежные дары и трудовая помощь. Те же, с кем разговоры по душам греют сознанием интеллектуального родства, не торопятся делиться насущным. Друзья и коллеги оказывают скорее информационную и эмоциональную поддержку, чем материальную помощь. Потребность в дружеском круге один из респондентов определил как *«нужда видеться»*.

Участие соседей в сетевых взаимодействиях почти символическое. Продуктовые и денежные трансферты с соседями менее распространены, чем с друзьями и коллегами. Правда, на селе соседи по-прежнему помогают тру-

³² Сетевая поддержка в России более «прородственная», чем, например, в Канаде, где друзья и родственники помогают меньше, чем родители (или взрослые дети), но «обеспечивают поддержку в той же степени, что братья (сестры) и гораздо больше дальних родственников» [Уэлман, 2000, с. 85].

дом. В городе же коррозия института соседства более заметна³³. Так что грибоедовское «ну как не порадеть родному человечку» теряет в сетевом измерении саркастический оттенок и превращается в нормальную прозу человеческих отношений.

Таблица 11. Стоимость отданных и полученных продуктов, денежных даров, а также продолжительность трудовой помощи во взаимодействии с различными контрагентами

Субъекты сетевых взаимодействий	Село				Город			
	Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом		Продуктовые и денежные дары		Помощь трудом	
	Руб.	%	Часы	%	Руб.	%	Часы	%
Родители	38050	35,3	2417	49,9	62120	18,5	7474	88,2
Дети, внуки	31014	28,7	1895	39,1	178237	53,0	221	2,6
Сестра, брат	19261	17,9	255	5,3	14370	4,3	39	0,5
Прочие родственники	8255	7,7	44	0,9	46251	13,8	114	1,3
Соседи	3340	3,1	151	3,1	3728	1,1	53	0,6
Знакомые, коллеги, друзья	7960	7,3	85	1,7	31379	9,3	573	6,8
Всего	107880	100	4847	100	336085	100	8474	100

Выводы

- Все без исключения семьи погружены в сетевой обмен. Количественный анализ учитывает лишь продуктовые, трудовые и денежные трансферты (с разбивкой последних на безвозмездные и долговые). За кадром остаются эмоциональная поддержка и информационное сопровождение домохозяйств ввиду сложности их измерения. Это существенно снижает объяснительные возможности количественного анализа, так как не учитываемые им трансферты способны существенно

³³ В интервью отражены многочисленные ссоры между соседями — от комичных до трагичных. Одна семья боролась с соседкой за право поставить холодильник рядом с разделявшей их стеной, что, по мнению соседки, влияло на ее здоровье. Другая соседка любила дворовых собак с такой силой, что респондент не дождался вызванного на дом врача, так как его не пустили собаки. Ссоры с родственниками и друзьями упоминаются значительно реже и проходят более сдержанно.

- менять представления домохозяйств о степени эквивалентности обменных отношений.
- Наиболее полной формой фиксации сетевых трансфертов являются ежедневные записи прихода и расхода ресурсов по каналам сети с указанием направления трансферта, его ресурсной природы, объема в натуральных и стоимостных показателях. Время сбора эмпирических данных должно вмещать в себя сезонные колебания сетевой активности. Результаты количественного анализа получают дополнительное обоснование или, наоборот, повод для скептицизма при сравнении с качественными данными в виде углубленных интервью. Подобная триангуляция повышает обоснованность выводов.
 - И сельские, и городские сети «прокачивают» по своим каналам весьма значительные объемы ресурсов, выполняя мощную перераспределительную функцию среди семей разного достатка, разного возраста и стиля жизни. Сети не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Скорее это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. Совокупная сопротивляемость внешней среде повышается, даже если в сеть объединились бедные домохозяйства. Это достигается за счет более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их поочередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств.
 - Взаимодействие в сети строится не только и не столько в соответствии с материальным статусом контрагента, сколько с вменным ему правилом пребывания в сети. Так, родители заботятся о молодых, даже будучи относительно бедными на их фоне. Родители жены находятся в более привилегированном положении, чем родители мужа также вне сравнения их материального положения. Бабушки и дедушки, заботясь о внуках, не получают эквивалентного вознаграждения, но подтверждают свою социальную значимость.
 - Отношения с родственниками доминируют в сетевом пространстве. Плотность и интенсивность обмена с родственниками выше, чем с неродственниками. Единственное исключение — долговые денежные обязательства, которые более распространены в неродственной среде в силу отсутствия моральных обязательств безвозмездной помощи. Долги среди родственников предполагают более крупные суммы, оправдывая своей величиной отклонение от традиции безвозмездной помощи.
 - Специфика города и деревни проявляется в амплитуде сезонных колебаний сетей, в соотношении продуктовых, трудовых и денежных трансфертов, в большей коррозии института соседства в городе. Вне этих вопросов городские и сельские сети ведут себя схожим образом, подтверждая наличие единой логики сетевой взаимопомощи.
 - Ни нищета, ни богатство не приводят к выходу из сетевого мира. Однако материальный статус домохозяйства играет решающую роль в соотношении принимаемых и отдаваемых благ. Богатые семьи, обреченные на донорство, испытывают повышенную нагрузку и порожденную ею усталость от сетевого членства. Это может вызвать сознательное дистанцирование от сети, избирательное участие в ней, сокращение круга контрагентов.
 - Количественные методы анализа фиксируют явную неэквивалентность сетевого обмена. Но сети не распадаются, они устойчивы и, как правило, бесконфликтны, что доказывает наличие вневещной или как минимум не только стоимостной логики их функционирования. Участники сети, во-первых, «гасят» стоимостные несоответствия эмоциональной поддержкой и информационным сопровождением, во-вторых, при оценивании полезности получаемой и оказываемой помощи учитывают сложную структуру межличностных отношений, в-третьих, интерпретируют поведение участников сети с точки зрения их соответствия культурным кодам микросреды.

Литература

1. *Ахиезер А.* Хозяйственно-экономические реформы в России: как приблизиться к пониманию их природы? // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3.
2. *Ашкеров А.Ю.* Антропология и экономика обмена // Социологический журнал. 2001. № 3.
3. *Барсукова С. Ю.* Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2.
4. Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Всемирный банк реконструкции и развития / Под ред. *Д. Клузмана*. Вашингтон, 1998.
5. *Варшавская Е.* Социальный феномен сибирской «фазенды» // ЭКО. 1999. № 12.
6. *Виноградский В.* «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3—4.
7. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. *Е.М. Ковалев*. М.: Аспект Пресс, 1996.
8. *Градосельская Г.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1—2.
9. *Ильин В.* Подарок как социальный феномен // Рубеж. 2001. № 16—17.
10. *Калабихина И.Е.* Факторы домохозяйства и занятость женщин // Экономика домашних хозяйств / Отв. ред. *В.М. Жеребин*. М.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1997.
11. *Ковалев Е.* Взаимосвязи типа «патрон — клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999.
12. *Лылова О.В.* Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2.
13. *Никулин А.* Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия?... Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. М.: Дело, 1998а.
14. *Никулин А.* «Счастье следует искать на путях обыкновенных» // Знание — сила. 1998б. № 3.
15. *Морено Я.Л.* Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001.
16. *Мосс М.* Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996.
17. *Пилиховский А., Столбов В.* Неформальная кооперация в сельских общинах // Социологические исследования. 2000. № 1.
18. *Полани К.* О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999а.
19. *Полани К.* Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Шанина*. М.: Логос, 1999б.
20. *Поланы К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. *А. Васильева, С. Федорова, А. Шурбелева*. СПб.: Алетейя, 2002а.
21. *Поланы К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002б. Т. 3. № 2 / www.ecsos.msses.ru.
22. *Радаев В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
23. *Сергеев В.М., Сергеев К.В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. 2003. № 3.
24. *Скотт Дж.* Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999.
25. *Старк Д.* Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. *В.В. Радаев*. М.: РОССПЭН, 2002.
26. *Тевено Л.* Организационная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. *В.В. Радаев*. М.: РОССПЭН, 2002.
27. *Уэллман Б.* Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6.
28. *Фадеева О.* Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999а.
29. *Фадеева О.* Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999б.

30. *Чураков А.Н.* Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1.
31. *Шанин Т.* Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905—1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1.
32. *Штейнберг И.* Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999.
33. *Штейнберг И.Е.* Реальная практика стратегий выживания сельской семьи — «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. М.: МВШСЭН, 2002.
34. Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. *В.В. Радаев*. М.: РОССПЭН, 2002.
35. *Эльстер Ю.* Социальные нормы и экономическая теория // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3.
36. *Якубович В.* Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. *В. В. Радаев*. М.: РОССПЭН, 2001.
37. *Burt R.S.* Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
38. *Carrier J.* The Rituals of Christmas Giving // Ed. by *D. Miller*. Unwrapping Christmas. Oxford: Clarendon Press, 1993.
39. *Emerson R.* Gifts // Collected Works. Vol. 3. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
40. *Giddens A.* Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press, 1979.
41. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78.
42. *Gregory C.A.* Gifts to Men and Gifts to God: Gift Exchange and Capital Accumulation in Contemporary Papua // Man. 1980. N 15.
43. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. London: Routledge and Kegan Paul, 1922.
44. *Pahl J.* The allocation of money and the structuring of inequality within marriage // Sociological Review. 1983. N 31.
45. *Parry J.* The Gift, the Indian Gift and the «Indian Gift» // Man. 1986. N 21.
46. *Radaev V.* Urban Households in the Informal Economy // Explaining Post-Soviet Patchworks / Ed. by *K. Segbers*. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001.
47. *Sik E.* «Small Is Useful» or the Reciprocal Exchange of Labour // Labour Market and Second Economy in Hungary / Ed. by *P. Galasi, G. Sziraczki*. Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1985.
48. *Sik E.* Reciprocal Exchange of Labour in Hungary // On Work: Historical, Comparative And Theoretical Approaches / Ed. by *R.E. Pahl*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
49. *Sorokin P.* The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook. N.Y.: E.P. Dutton, 1941.
50. *Turner J. H.* The structure of sociological theory. 5th ed. Belmont, 1991.

Препринт WP4/2004/02
Серия WP4
Социология рынков

Редактор серии *В. В. Радаев*

Барсукова Светлана Юрьевна

**Нерыночные обмены
между российскими домохозяйствами:
теория и практика реципрокности**

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *Е. В. Попова*
Корректор *Е. Е. Андреева*
Технический редактор *С. Д. Зиновьев*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,06. Усл. печ. л. 3,02. Заказ № 80. Изд. № 439

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3